

ЧАСОВЩИК

АЛЕКСАНДР ГНЕДИН

Александр Гнедин

Время назад. Часовщик

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69102910

SelfPub; 2024

Аннотация

Семья кочевников пытается выжить в суровой азиатской степи. Но силы неравны. Отец гибнет в жестокой схватке с волками. Мать и двоих детей уносит страшная хворь. Она глубоко впивается когтями и в старшего сына, Нурбека, стремясь уничтожить весь этот род. Но... Ему предсказана иная судьба, иная миссия. И едва не сгинувшего парня выхаживает табор цыган. Они во всем помогают ему и доверяют тайные знания, доселе не покидавшие пределы древнего и загадочного цыганского народа. Научившись у своих покровителей не только путешествовать во времени, но и управлять им, Нурбек спасает многих людей от неминуемой смерти. Но сможет ли вновь избежать собственной?.. А главное, увидеть, кто еще обретет столь редкий дар и даже приумножит его?

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	12
Глава 3	25
Глава 4	32
Глава 5	38
Глава 6	51
Глава 7	64
Глава 8	91
Конец ознакомительного фрагмента.	99

Александр Гнедин

Время назад. Часовщик

Глава 1

Посвящается Михаилу Михайловичу Цыбульскому —
Человеку с большой буквы

Стоял холодный и промозглый подмосковный осенний вечер... Моросил мелкий дождь, который вместе с пронизывающим ветром проникал в подворотни, щели между домами, складки одежды и даже под нее, вызывая болезненный озноб. Лихорадило припозднившихся прохожих, спешащих домой, мелкой дрожью тряслись забулдыги, стоящие кучками возле круглосуточных магазинов, киосков и ларьков и «стреляющие» у всех подряд «рублик на проезд». Даже мокрый и облезлый кот, сидящий на краю мусорного бака, вздрагивал и смотрел на мир взглядом, полным презрения и отчаяния. Лихорадило всех и вся... Дело было не только в погоде и времени года. Некогда огромная страна распалась на отдельные части, которые тоже лихорадило. От рухнувших идеалов, от безысходности и от незнания того, что будет завтра, дрожь эта концентрическими кругами, словно от брошенного в воду камня, расходилась и сходилась в самом

центре этой самой бывшей страны. Шла борьба за выживание. Возникали, соединялись и распадались различные группировки, разделявшиеся по спортивным, музыкальным, религиозным, национальным и еще черт знает каким признакам. В общем, каждый выживал, как мог...

В глубине многоэтажного кубика, в пристройке, расположился круглосуточный магазинчик. Несколько работяг в телогрейках и оранжевых жилетах пили нечто из бутылки, передавая ее по кругу, и закусывали уже пару дней как свежими пирожками. В этот момент в зону видимости, осветив тротуар единственной замызанной фарой и отчаянно громыхая всеми уставшими частями, вкатилась старая «копейка». Остановившись напротив входа в магазинчик, она натужно почихала и заглохла... Открылись двери, и из салона, вслед за вырвавшимся клубом дыма, вывалилась весьма колоритная троица. Мужчины были одеты во все черное, на ногах – одинаковые высокие ботинки в стиле «милитари». Головы у всех троих блестели гладкой выбритостью, отражая свет единственного неразбитого фонаря. Увидев их, работягивыбросили бутылку и торопливо направились в сторону темнеющей неподалеку стройки. Один из троицы, низенький и толстый, засвистел им вслед, отчего те только прибавили шагу и поспешили исчезнуть из поля зрения...

– Привет гастарбайтерам! – закричал работягам вдогонку второй, неестественно длинный и худой, но вечерняя тьма уже поглотила удалявшиеся фигуры.

– Да оставь ты их в покое, – сказал третий, огромный широкоплечий детина, смотревшийся на фоне остальных великаном, – не всю же жизнь этих приезжих гонять, надо и отдыхать когда-нибудь... Борман, – обратился он к коротышке, – сгоняй-ка в ларек и купи чего-нибудь погорячее, а то вишь, как холодно, да еще и печка в машине не работает.

Он со злостью пнул по колесу ни в чем не повинную колымагу, на что та отозвалась жалобным скрипом.

– Ща сгоняю, Слон, – отозвался Борман, – ты только, это, мелочи добавь немного...

Слон достал из кармана несколько смятых купюр и протянул Борману:

– На, это все, что есть.

Тот взял деньги и исчез за дверью магазинчика.

– Вот такая жизнь наша тяжелая, брат Шприц, – пожаловался Слон оставшемуся товарищу, – бегаешь, бегаешь, и что?.. В кармане жалкие копеечки, под задницей – «копеечка», жизнь нынче тоже в копеечку оценивается, – он еще раз пнул несчастную машину, – а все почему, как думаешь?

– Да как почему? Тута понятно все, – с характерной деревенской «рязаночкой» протянул долговязый, – понаехали тута всякие и забрали наши с тобой денежки. Бить их всех надо. Правильно мы с тобой зарербо... зазербо... эта... короче, вступили в это белое братство. Надо нам с тобой всех их перебить, и тогда все денежки наши будут. Мы же местные, уже скоро год, как здесь живем...

– Верно базаришь, братан! – улыбнулся Слон.

Тут хлопнула дверь магазина, и взору приятелей предстала довольная ухмыляющаяся рожа Бормана.

– Пацаны, нормуль, тут на все хватило! Гуляем по полной!

Он выставил на капот две бутылки дешевой сорокоградусной «косорыловки», большую бутылку лимонада и бросил пачку «Союз-Аполлона».

Под одобрительные возгласы «братьев» Борман извлек из бардачка жигуленка три выдавших лучшие времена пластиковых стакана, дунул внутрь, вычищая пыль, и наполнил их.

– Ну, за наше процветание! – произнес первый тост Слон и опрокинул в себя содержимое стакана. Шумно выдохнув, он «закусил» из лимонадной бутылки и с наслаждением закурил. Его товарищи последовали примеру. Вечеринка на свежем воздухе началась... Они выпивали и запивали, запивали и выпивали, настроение улучшалось с каждым стаканом. Попутно обсуждались глобальные мировые проблемы...

– Д-да а-адназначна в-виноваты эти при-приезжие, – заплетающимся языком, но с уверенностью сказал Борман. – А т-ты, Шприц, что ду-думаешь?

– Угу... – промычал длинный, – нигде от них прохода нет. На рынке – они, на стройке – они, такси-маршрутки – они. Ваще засада! Хоть обратно в деревню возвращайся!.. А там чаво? Разваленный колхоз да постоянно бухой батя... Уф-ф, поубивал бы гадов!

Он взял из лежащей на капоте пачки сигарету и начал щелкать зажигалкой, чтобы прикурить, но проклятое производство дружественного соседнего государства никак не хотело загораться.

– Мля! – со злостью выдохнул Шприц и швырнул зажигалку оземь.

– Пацаны, есть огонек? – обратился он к товарищам.

Те похлопали по карманам и с сожалением покачали головами.

– Вот, блин, облом, – протянул длинный, – а денег даже на спички не осталось... Засада, мля...

В свете фонаря показалась фигура запоздалого прохожего...

– Слышь, земля, огоньку не найдется? – заорал Шприц и вприпрыжку, насколько позволял залитый внутри алкоголь, подбежал к прохожему.

Тот остановился, повернулся и тихим спокойным голосом ответил:

– Извините, не курю. – Затем он развернулся и хотел было пойти дальше, но Шприц вдруг схватил его за рукав и рывком повернул к себе.

– Ну-ка постой... Не куришь, говоришь?

Он пристально всматривался в лицо незнакомца.

– Э, да ты же этот, как его... гас... бас... Короче... Пацаны, идите-ка сюда!

На типично азиатском лице прохожего отразился испуг.

– Что вам нужно? Я же сказал, что не курю... Отпустите, мне надо идти, – он попытался вырваться, и нетвердо стоящий на ногах Шприц не удержался и приземлился пятой точкой прямо в лужу.

– Пацаны, наших бьют!!! – как резаный заорал долговязый и как клещ вцепился в ногу бедолаги-прохожего.

Испуганный азиат попытался вырваться еще раз, но безуспешно. Он затравленно смотрел на приближающихся дружков длинного и, как заученную, повторял фразу:

– Отпустите, мне идти нужно...

– Щас мы тебя отпустим, козел, – угрожающе зарычал подбежавший Слон, – ты какого х** нашего брата ударил?

– Не бил я его. Он сам... это... упал, – с дрожью в голосе попытался оправдаться азиат. Он не отличался крупным телосложением, поэтому Слон нависал над ним, как скала.

– С-сейчас ты у меня упадешь, п-падла... – задыхаясь от злости и обдавая несчастного перегаром, просипел подбежавший Борман и что есть силы врезал ему кулаком в нос. Что-то противно хрустнуло, из носа фонтаном брызнула кровь, и худенький азиат начал медленно оседать, прикрывая лицо ладонями.

Борман схватился за руку и жалобно запричитал:

– П-пацаны, я об эту с-скотину кулак о-отбил. У-у него, по-походу, морда железная. Бей гада! – и начал пинать уже и так осевшего прохожего.

К нему присоединились Слон и кое-как поднявшийся из

лужи Шприц. Они пинали бедолагу, а тот лег на землю, молчал и пытался свернуться в позу эмбриона, чтобы хоть как-то защититься от ударов озверевших отморожков. После серии «воспитательных» мероприятий, которые проводились обутыми в жесткие армейские ботинки ногами, жертва перестала подавать признаки жизни. Азиат лежал прямо в луже под фонарем, и кровь стекала аккурат к ногам избивающих его извергов. Первым опомнился Слон:

– Э, пацаны, стоп... – Все трое, как по команде, перестали пинать. – Борман, глянь, мы его там совсем не угробили?

Коротышка, прижимая ушибленную руку к груди, осторожно наклонился, разглядывая бесчувственное тело.

– Д-да хрен его знает, н-не пойму чета, д-дышит или нет... – пробормотал он.

Человек на земле не выглядел живым. Он лежал, раскинув руки, все лицо разбито, из приоткрытого рта был виден наполовину сломанный зуб. Глаза закрыты.

– Мля, пацаны, а мы его чо, угробили? – испуганно пробормотал протрезвевший на глазах Шприц.

Троица присела на корточки возле бездыханного прохожего и начала его рассматривать, пытаясь найти хоть какие-то признаки жизни.

Внезапно лежащий дернулся всем телом, резко сел и открыл глаза, ошарашенно разглядывая всех троих. Постепенно его взгляд приобрел осмысленность, а зрачки засветились. Он внимательно посмотрел каждому в лицо, а затем

произнес несколько слов на каком-то непонятном языке. После, неловко опираясь на руки, поднялся, отряхнул с ладоней налипшую грязь и указал куда-то в сторону... Лихая тройца тоже, как будто нехотя, поднялась, при этом лица мужчин выражали абсолютное безразличие, напоминая манекены, которые равнодушно смотрят на покупателей из-за стеклянных витрин магазинов одежды. Очень медленно, нога в ногу, они направились к своей машине и расселись по местам. Двигатель запустился, и старая колымага с визгом рванула в ту сторону, куда показал странный прохожий. Двери захлопнулись уже на ходу, а с капота слетели и разлились остатки незаконченного пикника.

В тот момент, когда чихающая колымага исчезла из вида и не стало слышно звука ее мотора, странный азиат медленно опустил руку, как тряпичная кукла осел на землю и снова потерял сознание... Тишину подмосковной осени нарушали лишь скрип фонаря, качавшегося на ветру, и гудок поздней электрички, пробегающей где-то вдалеке...

Глава 2

Земли кочевников, где-то в Средней Азии, первая четверть XX века.

Ярко-красное солнце уходило на запад. Вокруг, куда ни кинь взгляд, простиралась абсолютно гладкая степь, и лишь где-то далеко на юге, в дымке, виднелись снежные вершины величественных гор. Земля была покрыта весенним разнотравьем. В это время года она особенно красива: растаявший снег и весенние дожди насыщают землю, и та, как будто в благодарность, дарит окружающим невообразимое буйство красок. В степи весна короткая. Через какой-нибудь месяц дожди прекратятся, жаркое солнце выжжет землю, и все это великолепие начнет вянуть и высыхать, постепенно открывая голую серую почву, покрытую редкими, еле видимыми кустиками пожухлой травы. Зелеными останутся только заросли саксаула. Для кочевников это священное дерево: без него не разведешь костра, не приготовишь еды, не согреешься холодными ночами. Но самое главное для кочевника – вода. Нет воды – нет жизни. В степи есть одно место, где жизнь постоянно кипит. Это долина священной реки, которая начинается где-то в далеких горах, вытекая из маленьких ручейков, речушек, насыщаемых чистой влагой из ледников. Она несет свои воды, наполняя все вокруг жизнью и щедро раздавая саму себя, даря радость существования, но в то же

время понемногу иссыкает, теряясь в солончаках, распадаясь на мелкие рукава, называемые узками.

Вдалеке показалось постепенно приближающееся облако пыли. Вскоре стали слышны звуки щелкающего кнута. Маленький караван торопился к реке. Это была конечная цель многодневного изнуряющего перехода. Впереди бежала небольшая отара баранов, подгоняемая двумя поджарыми пастушьими собаками, следом – несколько коров. Все стадо выглядело не лучшим образом: сказывался длительный перегон. Животные казались исхудавшими и обессиленными. Позади стада, верхом на лошадях, ехали два наездника. Одним из них был мужчина довольно крепкого телосложения, с начинающими седесть волосами и редкой бородкой. Одет он был в теплый, но затертый халат, ичиги – кожаные сапоги без жесткой подошвы, и огромную шапку-малахай. За спиной болталась старенькое одноствольное ружье, к седлу были приторочены бурдюк с водой и запас сушеного мяса. Это был глава семейства – Бейшен. Рядом ехал молодой человек, чертами лица очень похожий на Бейшена, правда, волос на лице у него, в силу молодости, не было вообще. Старший сын – Нурбек. Он гордо восседал в своем седле и зорко осматривался по сторонам. Замыкала караван обветшавшая арба, запряженная такой же старой лошастью. Повозка неуклюже переваливалась на своих деревянных колесах, и казалось, что она вот-вот перевернется. В ней была аккуратно уложена старенькая юрта неприметного серого цвета, а

также весь нехитрый скарб кочующего семейства. В повозке, закутавшись в цветастый платок и теплый чапан, сидела жена Бейшена – худенькая и миниатюрная Нураим, а рядом с ней – двое младших сыновей: близнецы Арсен и Эсен, тоже удивительно похожие на своего отца.

Вдалеке блеснула река и, почуяв воду, жаждущая напиться скотина прибавила шаг, а подойдя, начала жадно поглощать живительную влагу. Уже смеркалось, и глава семейства принял решение ночевать, не разбирая юрты и вещей. Наскоро поужинав вяленным мясом и запив его кислым молоком, семейство расположилось на ночлег. Отец и старший сын стреножили лошадей и расстелили прямо на земле бараньи шкуры, мать с младшими расположилась в повозке. Очень быстро утомленное семейство уснуло. На черном небе виднелись тысячи звезд, а тишину степи нарушали только плеск воды, редкий всхрап дремавшей скотины, да заунывный волчий вой где-то вдалеке...

Рано утром все семейство, едва проснувшись, приступило к своим обычным делам. Нураим с младшими ставила юрту. Было приятно смотреть, как эта хрупкая с виду женщина ловко управляет с деревянным каркасом, накидывает сверху теплую и практически непромокаемую кошму. Не прошло и двух часов, как на поляне возле реки стояло готовое жилище. Пока мальчишки таскали дрова из ближайшего саксаульника, мать сложила очаг из камней посередине юрты, развела огонь и поставила на него закопченный време-

нем казан. Впервые за весь переход они могли позволить себе приготовление горячей еды. Тем временем, глава семейства на лошади объехал окрестности, убедился, что все в порядке и для его скотины здесь достаточно травы, и, довольный, вернулся к уже поставленной юрте, из дымохода которой шел дымок, а вокруг разносился запах готовящейся еды. Сегодня семейство обедало вкуснейшим мясным бульоном, который заботливая хозяйка приправила растущими неподалеку пряными травами. После обеда Бейшен, захватив с собой старшего сына, еще раз объехал «владения», чтобы удостовериться, что его стаду ничего не угрожает, поскольку, по слухам, в этой местности водилось немало хищников, готовых поживиться беззащитной скотиной, но вокруг все было спокойно. Пригревало солнце, зеленела трава, а все их немногочисленное хозяйство мирно паслось. Так прошел день. На закате отец с сыном вернулись к юрте, поужинали и расположились на отдых, предоставив ночную охрану верным собакам.

Неожиданно ночью Бейшен проснулся от громкого лая и жалобного блеяния. Схватив ружье и разбудив мирно спавшего Нурбека, он выбежал из юрты, вскочил на лошадь и галопом помчался в сторону стада. Сын последовал его примеру. Подъехав, они застали истошно лающих собак, беспорядочно бегающих вокруг сбившихся в кучу овец. Бейшен выстрелил в воздух и заметил при лунном свете, что за ближайшим небольшим пригорком промелькнуло несколько теней.

– Нурик, волки! – вскричал он, но было поздно: хищники, напуганные выстрелом, скрылись из виду.

Сделав несколько кругов вокруг стада, собаки успокоились и подбежали к хозяевам, высунув языки набок. Стрельбой лошадей, чабаны уселись на траву и принялись вслушиваться в окружающую степь...

Остаток ночи прошел без сна, и, хотя их больше никто не беспокоил, отец с сыном встретили утро с красными от недосыпания глазами. Пересчитав стадо, они обнаружили, что не хватает одной овцы, а вскоре увидели тонкий кровавый след, тянущийся куда-то в степь. Очень недовольные вернулись они к своей юрте и, даже не поев, уснули. Бейшен был уверен, что днем со скотиной ничего не случится, а вот по ночам ему с Нурбеком придется нести дежурство, пока либо они не перестреляют хищную стаю, либо та сама не уйдет. Для бывшего кочевника это было не в новинку. Проснувшись ближе к вечеру, он плотно поел, взял с собой про запас сушеного мяса, кислого молока, проверил патроны и отправился первым охранять стадо, предупредив старшего сына о том, что завтра будет его очередь. Прибыв на место, Бейшен расстелил прихваченное с собой одеяло на теплую от весеннего солнца землю, удобно устроился и стал ждать. Солнце скрылось за горизонтом, на темном небе появились звезды. Где-то в траве сверчки выводили свою ночную серенаду. Стадо мирно спало, обе собаки лежали возле ног Бейшена, положив головы себе на лапы, и лишь изредка поводили ушами,

вслушиваясь в ночную степь.

Прошла большая часть ночи. До рассвета оставалось совсем немного времени, как вдруг собаки наострили уши. Прислушавшись к происходящему, они с громким лаем умчались в темноту. Тут же, сбиваясь в кучу, тревожно загалдела скотина. Бейшен вскочил, зарядил ружье и начал всматриваться во мрак, тщетно пытаясь разглядеть, что же происходит, но не смог. Тогда он выстрелил в воздух, перезарядил и снова выстрелил. От стада, почти неразличимые во мраке, отделились тени, поспешившие убраться подальше от громких звуков. Собаки понемногу успокоились, замолчали растревоженные овцы. Через некоторое время немного поодаль раздался протяжный волчий вой – на сегодня атака стаи была отбита. Обойдя скотину, Бейшен опять уселся на одеяло, положив на колени заряженное ружье. Так он просидел до рассвета, а когда небо на востоке посветлело, ненадолго провалился в тяжелый сон. Проснувшись, с трудом поднялся на затекшие ноги. Солнце уже стояло над горизонтом, как ни в чем не бывало освещая место ночной баталии. На траве с распоротым брюхом, истекая кровью, лежала овца и молча безысходно смотрела куда-то вдаль. Чабан тяжело вздохнул, достал нож и одним движением прекратил муки обреченного животного, перерезав ему горло. Подождав, пока стечет кровь, он закинул тушу на седло, и, держа лошадь за уздцы, неспешным шагом двинулся к юрте.

Близнецы ломали дрова, а Нураим чистила казан. Выгля-

дела она очень встревоженной, но ничего не сказала, только покачала головой, приняла тушу с седла и тут же начала ловко ее разделывать. Сняв шкуру, она вытащила внутренности и часть из них отдала бегающим тут же и облизывающимся собакам, которые, благодарно виляя хвостами, тотчас проглотили предложенное с такой скоростью, как будто за ними гнались демоны... Часть туши хозяйка, порезав, закинула в казан, остальное развесила сушиться, чтобы не пропало. Бейшен уже зашел внутрь юрты и прямо в одежде завалился спать. Никто не видел, как Нураим, готовя еду, украдкой протирала закрывающиеся глаза. Для нее эта ночь тоже выдалась тяжелой. Услышав выстрелы, она больше не смогла уснуть, переживая за мужа. Когда мясо сварилось, она зашла в юрту и, прислонившись к стене, провалилась в глубокий сон...

Когда солнце перевалило зенит, вся семья собралась за столом. Бейшен выглядел повеселевшим, Нураим тоже улыбалась, несмотря на круги под глазами. После, когда начало вечереть, Нурбек отвязал лошадь, взял отцовское ружье и поехал охранять скотину. Собаки бежали следом, иногда обгоняя лошадь и друг друга, резвились, вывалив набок розовые языки. Приехав на место, Нурбек спешил и удобно устроился на траве, положив ружье рядом. Он до ряби в глазах всматривался в окружающую степь, пока не стемнело. Когда ночь опустила на землю свой таинственный покров, из-за горизонта показалась луна, озарив все вокруг своим

особенным светом заставив предметы отбрасывать причудливые, странные тени. Казалось, что духи степи восстали и вот-вот оторвутся от земли, начав какой-нибудь дикий танец, мелькая во тьме и раскручивая тучи пыли, увлекая и пугая запоздавшего путника, сбивая его с дороги и загоня все дальше в безводную степь, чтобы принести в жертву очередную душу... Но ничего такого не происходило, напротив, ночь выдалась на удивление спокойной, только несколько раз где-то вдалеке раздавался заунывный волчий вой, но близко к стаду никто не подходил... Казалось, что люди и хищники нашли тот самый неустойчивый баланс и некое взаимопонимание...

...Шло время... Жизнь на кочевье текла медленно и размеренно. Наступило лето. За прошедшие месяцы на богатых кормах долины скотина отъелась, разжирела и принесла приплод. Глядя на все это, Бейшен не мог нарадоваться. Он даже подумывал о том, чтобы к концу сезона отогнать часть скотины на базар и на вырученные деньги прикупить новое седло, телегу и подремонтировать старенькую юрту. Но...

...Однажды утром он проснулся с головной болью. Болело так, что каждый шаг отдавался туманящими вспышками. Раньше с ним никогда такого не случалось, и даже отвар из лекарственных трав, заботливо приготовленный женой, не подействовал. Посмотрев на мужа, Нураим поцокала языком и сказала:

– Оставайся-ка ты сегодня дома, Бейшеке. Отдохнуть тебе

надо. Старый становишься, пора потихоньку сыновьям хозяйство передавать...

Бейшен согласно покивал и тут же поморщился от боли.

– Нурик, сынок! – позвал он.

– Да, папа, – отозвался Нурбек, с самого утра приводивший в порядок старое седло, сосредоточенно шлифуя потертые места.

– Присмотри сегодня за хозяйством, а то я что-то устал...

– ...Конечно, конечно, – не дал ему договорить Нурбек, – отдыхай, а я все сделаю, как надо.

С этими словами он встал, приладил седло на лошадь, свистнул собак и двинулся осматривать пастбище. По дороге Нурбек заметил одну странность – вид у собак был взъерошенный, да и дышали они как-то тяжело, как будто после длительной гонки. Прибыв на место, он осмотрелся, и убедившись, что все в порядке, хотел было опять снять седло, чтобы продолжить починку, как вдруг совсем рядом раздался вой. Собаки наострили уши, и в этот момент на ближайшем пригорке показался волк. Нурбек схватил ружье и, почти не целясь, выстрелил. Зверь продолжал стоять. Молодой человек лихорадочно начал доставать патроны из сумки. Руки дрожали, и большая часть патронов рассыпалась. Кое-как ему удалось перезарядиться. Собаки в это время с громким лаем стали подбираться к хищнику, бегая кругами, а тот все стоял, склонив голову набок. Прозвучал еще один выстрел. И снова промах. Зверь, как будто устав ждать, коротко завыл

и неспешно спустился с той стороны пригорка. Собаки, почувствовав слабость, осмелели и тоже, перевалив бугор, исчезли из вида. Нурбек, в очередной раз перезарядив оружие, вскочил на лошадь и бросился в погоню, но, поднявшись наверх, никого не увидел. Он несколько раз громко свистнул в надежде призвать собак. Никого... Постоял, прислушался... Откуда-то издалека раздался жалобный визг, потом еще один. Затем все затихло, и только негромкая возня успокоившейся скотины нарушала эту тишину. Нурбек прищипорил лошадь и галопом поскакал к юрте... За ближайшим пригорком стая волков жадно терзала останки двух собак. Когда от них остались только клочья шерсти, хищники стройной цепочкой неторопливо потрусили прочь, иногда облизываясь на ходу...

...Нурбек рассказал о случившемся отцу. Тот выслушал молча, также молча покачал головой, потом поднялся и, превозмогая головную боль, отправился на пастбище. На душе у него было неспокойно. Едва солнце скрылось за горизонтом, со всех сторон раздался леденящий душу вой, и волки, не обращая внимания на человека, призрачными тенями скользнули к незащищенному стаду. Бейшен тщетно метался среди панически орущей скотины – стрелять он не мог, поскольку боялся попасть в баранов. Это продолжалось достаточно долго. Когда все успокоилось и наступил следующий день, хозяин обнаружил пропажу трех овец и одну зарезанную хищниками корову, которую те успели прилично

обглодать. Приехавший со стоянки Нурбек сообщил еще одну плохую новость: заболели мать и братья. Бейшен велел ему возвращаться, достал из седельной сумки вяленое мясо и попытался поесть, но кусок не лез в горло. Голова болела еще сильнее, к тому же он почувствовал, что начинается жар. Внезапно его осенила нехорошая догадка. Отправив сына обратно, Бейшен без сил опустился на землю, и почти сразу же его сморил тяжелый, кошмарный сон, не принесший никакого облегчения. Дома ждала безрадостная картина: и жена, и младшие сыновья не могли подняться. Их глаза сверкали болезненным блеском, затуманенные и покрасневшие. Непонятная болезнь быстро прогрессировала.

Несмотря на все происходящее, Нурбек выглядел здоровым. Он как мог помогал матери и братьям, периодически подавая им мокрые тряпки, чтобы они могли хоть как-то облегчить свои страдания, прикладывая их к горячим лбам. Собрав последние силы, Бейшен проверил запас патронов, взял ружье и, кое-как запрыгнув на лошадь, направился в ту сторону, откуда приходила стая. Он твердо решил раз и навсегда избавиться от хищников: выбора просто не было. Потеряв скотину, вся его семья погибла бы от голода.

...Лошадь шла мелкой рысью. Уже несколько часов Бейшен провел в безуспешных поисках: нигде не было ни следа, ни намека на присутствие волков. День клонился к закату, и он уже хотел было возвращаться, но неожиданно дорогу ему перегородили не меньше десятка серых хищников.

Лошадь резко остановилась и испуганно заржала, пытаясь встать на дыбы. Чтобы удержать ее, потребовалось немало усилий. Бейшен вскинул ружье, выстрелил и быстро перезарядил. Один из хищников упал и, жалобно скуля, забился в конвульсиях. Человек снова прицелился, нажал на курок, но заряд картечи ушел вверх, потому что лошадь, почувствовавшая потерю контроля, все-таки поднялась, оторвав передние ноги от земли. Два волка в это время незаметно подкрались сзади и синхронно вцепились в задние ноги бедного животного. Лошадь взбрыкнула и повалилась набок. Бейшен вылетел из седла и откатился, чудом не придавленный. Поднявшись на ноги, он увидел, что звери вцепились в горло и бока лошади, которая, хрипя, забилась в последней надежде вырваться из цепких челюстей смерти. Его самого окружили ошестинившиеся и оскалившиеся хищники, образовав круг, который медленно, но неумолимо сжимался. Пытаясь хоть как-то исправить ситуацию, чабан начал лихорадочно отстреливаться. Еще трое зверей упали и задергались в последнем предсмертном танце. Но остальные члены стаи сжимали кольцо вокруг человека все уже и уже... Вот до ближайшего противника осталось расстояние не больше прыжка. Один из зверей сжался, как пружина, и прыгнул. Бейшен выстрелил, уже в прыжке поразив противника картечью. Тот упал прямо под ноги человеку. Старый чабан увидел оскаленную пасть и угасающий, полный ненависти взгляд желтоватых с красным глаз. Он вытащил горячую гильзу и хо-

тел перезарядиться, но тут вдруг плечо обожгла резкая боль. Это сзади подкрался и напал еще один серый хищник. Сразу же за ним, почувствовав, что жертва беззащитна, в человека вцепились еще двое. Они рвали в клочья старую одежду, подбираясь все ближе к горлу. Наконец, не выдержав боли и веса зверей, Бейшен упал. Последнее, что он увидел, была оскаленная волчья пасть с капающей желтоватой пеной. Потом кончился воздух, и он провалился в крутящуюся воронку. Где-то наверху мигнул и погас свет... Над летней степью садилось оранжевое солнце, за день нагревшее землю до горяча... Шелестела желтеющая трава... Чуть в стороне несла свои воды река. Откуда-то сверху, из-под небес... Из чистых горных ледников. Она давала надежду и жизнь. Она была священной для всего живого... Она была немым свидетелем гибели живого в борьбе за существование по законам и правилам, установленным много тысяч лет назад... Где-то вдалеке раздался протяжный вой...

Глава 3

Сгущалась темнота. Из зарослей прошлогоднего камыша высунулась разлохмаченная волчья морда. Морда поводила в разные стороны чутким носом, после этого показался весь зверь. Матерый вожак. Следом за ним вереницей вышла остальная стая. За вожаком шел совсем молодой волк, почти подросток, дальше – несколько самок с волчатами, по виду еще сосунками. Замыкали цепочку старики-ветераны.

Зима выдалась голодной, поэтому вся стая выглядела не самым лучшим образом: торчащие ребра, линяющая шерсть висела ключьями. За всю зиму удалось загнать лишь нескольких сайгаков, да изредка попадался случайный заяц. Особенно досталось кормящим самкам: волчата высасывали все, поэтому волчицы едва волочили лапы. Надежда была только на начинавшуюся весну. Кроме этого, надо было начинать обучать подрастающее поколение самостоятельно добывать себе пропитание, ведь закон природы суров – выживает сильнейший... Из норы выглянул и вылез прогуляться в теплых лучах тощий и больной суслик. Мучимый жаждой и учащающимися судорогами, он почти игнорировал подаренный ему самой природой инстинкт самосохранения. Жить ему оставалось несколько дней... Его запах учуял изголодавшийся вожак стаи. Голод доминировал над остальными

инстинктами, поэтому, несмотря на явные признаки «несъедобности» добычи, он припал к земле и начал подкрадываться. Остальная стая встала как вкопанная – чтобы не спугнуть жертву. Подобравшись на расстояние прыжка, охотник на секунду задержался, словно накапливая энергию, а потом прыгнул, как спущенная пружина. За секунду жизнь бедолаги-суслика прервалась, превратив его в звено пищевой цепочки и избавив от мучений... Тушка жертвы была съедена очень быстро, и вся она досталась вожаку. Молодой волк, облизываясь, хотел было подойти, но был отогнан коротким предупредительным рыком. Когда вожак закончил трапезу, вся стая послушно подтянулась, и волки продолжили путь.

Смеркалось. Стая пробежала уже приличное расстояние, когда ей, наконец, улыбнулась удача: чуткий нос вожака почувал остановившихся на ночлег сайгаков. И опять он первый подкрался, кинулся в самую гущу стада, попутно работая острыми зубами. Испуганные сайгаки заметались и разбежались в разные стороны, но несколько особей осталось лежать на земле с распоротыми брюхами. Сегодня у стаи намечился настоящий праздник. Еды было вдоволь. Оторвав себе кусок побольше, вожак отошел в сторону и принялся за ужин. Следом за ним забрал свою долю молодой волк и тоже удалился. Настал черед остальных. Было забавно наблюдать, как волчата, вцепившись в выпотрошенные внутренности, с кряхтением тянули их каждый к себе. Последними к трапезе приступили старики. Стая быстро расправилась с обиль-

ным ужином и, довольно развалившись на начинающей пробиваться молодой траве, предалась сытному отдыху. Вожак лежал чуть поодаль и внимательно наблюдал за своими подопечными, попутно вслушиваясь в темную степь. Ближе к рассвету, повинувшись некоему древнему инстинкту, он повел их к ближайшему укрытию.

Голодная пора закончилась. В скором времени весна всю вступила в свои права: поднялась трава, проснулись от зимней спячки степные обитатели. Члены стаи уже не походили на отощавших призраков: бока их затянулись жирком, шерсть полиняла и лоснилась. Подросли волчата...

В один день вожак спустился к реке, чтобы напиться. Подойдя, он сделал несколько глотков, как вдруг его обуял беспричинный страх. Посмотрев на свое отражение в воде, волк резко отскочил и побежал прочь, слегка подволакивая задние лапы. Вернувшись к стае, он почувствовал на себе пристальный взгляд молодого самца: в последнее время тот видел в нем противника и ждал удобного момента, когда можно было бы использовать промах вожака в свою пользу.

Тем же вечером, лежа в зарослях, волки слышали стук копыт, скрип колес и почуяли запах скотины. Пришли люди. Стая, облизываясь, с безопасного расстояния следила за караваном. Предстояла большая охота. На следующий день вожак наблюдал, как люди разбивали лагерь. Скотина была неподалеку, и он не решился напасть. Нужно было ждать ночи. В течение дня его состояние еще больше ухудшилось. Ла-

пы волочились по земле, совершенно его не слушаясь, глаза застилала пелена, да и нюх, основной инструмент охотника, начал подводить. Он чувствовал, что силы медленно его покидают, и вместе с тем где-то внутри просыпается бессильная, но безудержная ярость ко всему окружающему. Наконец, наступил вечер, и стая вышла на охоту. Вожак, как всегда, шел первым. Когда хищники подкрались совсем близко, скотина почувствовала их и начала беспокоиться. Как будто из ниоткуда появились две собаки – извечные противники волков, изнеженные и продавшиеся человеку за объедки и кости. Они подняли еще больший шум, и вожак принял решение остановиться, но из-за его спины выскочил молодой волк и кинулся прямо в испуганное стадо. В этот момент раздался очень громкий звук выстрела, и молодой, испугавшись, схватил первую попавшуюся овцу за горло и потащил прочь, оставляя за собой тонкий кровавый след. Пойманную добычу разорвали и растащили в стороны за очень короткое время. На следующую ночь вожак предпринял еще одну попытку, но на этот раз он не пропустил молодого вперед, а его слабеющий организм был не в состоянии справиться с тяжелой ношей, и уже придушенная, надкушенная и зараженная укусом жертва осталась лежать на земле, медленно истекая кровью. Для матерого хищника это была последняя охота... Он понял, что силы покидают его и, чтобы стая могла продолжить свое существование, старый волк должен был уйти. В эту ночь он в последний раз обошел всех, обнюхал подрас-

тающих волчат и, не оборачиваясь, поковылял в безводную степь. В нем сработал древнейший инстинкт сохранения рода: больной вожак – ненужный вожак. Он уходил все дальше и дальше. Туда, где его никто не сможет найти. Дальше, чтобы избежать распространения смертельной болезни, испокон веков гуляющей в дикой природе, не щадящей ни слабых, ни сильных... Болезни, у которой был только один исход – смерть в безумии... Уже рассвело, а волк все шел по серо-желтому солончаку, твердому, как камень, с каждой минутой медленнее и медленнее. Тускнеющим взглядом видел над собой парящих стервятников – грифов, таких же санитаров степей, как и он сам. Вот один из них тяжело приземлился на безопасном расстоянии и, склонив набок страшную лысую голову, проскакал вприпрыжку, оценивая, на сколько хватит сил у жертвы... Когда ноги совсем перестали слушаться ветерана, он лег на землю и посмотрел вверх. Кто-то звал его оттуда, он слышал этот протяжный звук... манящий... приказывающий... заставляющий повиноваться... Он подчинился, закрыл глаза и... взлетел... навстречу предкам, ожидающим там, откуда нет обратной дороги...

Вокруг бездыханного тела, пока еще с опаской, начали собираться грифы...

В это же время у стаи появился новый вожак...

Повинуясь неким инстинктам, он принял решение пока не трогать людей и принадлежавшую им скотину. Должны были еще немного подрасти волчата, чтобы пополнить ряды охот-

ников, а в ближайшее время стая должна была довольствоваться более легкой добычей. И все же новый вожак изредка незаметно подбирался к человеческому жилищу и украдкой наблюдал...

Волчата подросли. Пришло время настоящей охоты. В один из дней, на закате, человек вышел из своего жилища, подозвал собак, сел на лошадь и поехал в сторону пастбища. Из укрытия за ним наблюдало не меньше десятка глаз. Одна из волчиц забралась на пригорок и призывно завывала. Человеческие собаки, услышав ее, остановились, наострив уши. Игриво подпрыгивая, волчица скрылась из вида – псы, заинтересовавшись, побежали следом. Она уходила все дальше в степь, иногда останавливаясь и поджидая, но не подпуская собак близко. В один момент она резко развернулась и встала. Собаки, радостно виляя хвостами, приближались. Они решили, что это какая-то интересная игра, но вдруг волчица оскалилась и зарычала, шерсть на холке вздыбилась. В этот момент со всех сторон появились другие волки. Ловушка захлопнулась. После непродолжительной борьбы от беспечных помощников человека остались только клочки, которые вряд ли могли послужить кормом даже для стервятников... Избавившись от охранников, волки почувствовали себя намного свободнее. Вскоре после заката они забрались в самую гущу стада и, не обращая никакого внимания на бесполезно бегущего человека, устроили настоящую резню. Почувствовав кровь, они не могли остановиться, желая полной победы над

хитрым, но беззащитным двуногим. На следующий день, наблюдая за юртой, волки увидели, что человек сел на лошадь и поехал в степь. За ним тянулся запах болезни, натолкнувший серых хищников на решительный шаг. Они начали преследование и, когда человек оказался достаточно далеко от своего жилища, незаметно окружили его. Несколько зверей перегородили ему дорогу. Раздался громкий звук, и волчонок-подросток покатился по земле в конвульсиях. Разъяренные потерей, уже не скрываясь, сзади на лошадь напали другие члены стаи. Они вцепились ей в ноги и сразу перегрызли сухожилия. Лошадь упала, упал и человек. Не давая им опомниться, стая ринулась в атаку. Скоро все закончилось...

Глава 4

Вечерело, но отец не возвращался... Нурбек начал беспокоиться. Ситуация усугублялась тем, что состояние матери и братьев ухудшилось: они почти не узнавали его и не могли встать. До рассвета он просидел, не сомкнув глаз, а когда отец не вернулся и утром, молодой человек понял, что произошло непоправимое. Он осознал, что с этого момента вся ответственность за семью ложится на его плечи. Вспомнив, что скотина осталась без присмотра, Нурбек решил перегнать ее поближе, но, когда он добрался до пастбища, его взгляду предстала ужасная картина: от их хозяйства за прошедшую ночь почти ничего не осталось. Перегоняя остатки стада, молодой чабан почувствовал на себе чей-то взгляд. Обернувшись, заметил волка. Тот стоял, поджав хвост, и провожал человека взором, не обещавшим ничего хорошего. Возле юрты Нурбек увидел мать, сидевшую около входа. Она нашла в себе силы встать и теперь, посмотрев на сына и остатки скотины, все поняла. Молча отвернувшись, так, чтобы не увидел Нурбек, смахнула застилающие глаза слезы и тяжело вздохнула. Выглядела она очень плохо – болезнь сразу состарила ее на два десятка лет. На пожелтевшем и осунувшемся лице проступили глубокие морщины.

– Ох, сынок, что же теперь будет, – прошептала Нураим,

тяжело поднялась и шатаясь и согнувшись, как древняя старуха, зашла внутрь.

Остановившись возле младших сыновей, лежащих на одеялах, мать ужаснулась. Болезнь и высокая температура за короткое время сделали из упитанных и розовощеких мальчишек одинаковые почти высохшие мумии с ввалившимися щеками и глазами. В полубессознательном, бредовом состоянии они не узнавали никого. Нураим сняла со стены запасы сушеного мяса, кислого молока и, усадив Нурбека за стол, заставила его поесть. Сама села рядом и молча смотрела. Сейчас слова были не нужны...

Остаток дня прошел в попытках хоть как-то облегчить состояние близнецов. Мать, не обращая внимания на себя, сварила одной ей известный отвар и понемногу поила им сыновей. К вечеру им как будто стало чуть-чуть лучше.

Ночью Нурбека разбудила какая-то возня снаружи. Он встал, зажег факел и осторожно выглянул на улицу. Там разбуженная скотина испуганно жалась к стенам юрты. Храпели и били копытом стреноженные лошади, блеяли овцы, коровы стояли, опустив головы и выставив рога – единственное свое оружие. В свете факела мелькнула красным светом пара глаз. Потом еще пара... Это волки вернулись на продолжение своего пира. Нурбек испугался и заскочил внутрь, крепко завязав клапан юрты. Было слышно, как скотина трется о стены. Потом раздалось испуганное ржание и звуки неравной борьбы, упало что-то тяжелое... Всю ночь Нурбек с ужа-

сом слушал сочное чавканье и недовольное рычание хищников, не поделивших жирный кусок мяса. Оставшаяся скотина в панике разбежалась...

Под утро у Нурбека разболелась голова и он провалился в тяжелый сон. Ему снился отец. Он сидел на лошади возле реки и стрелял из ружья прямо по воде. С каждым выстрелом на поверхности появлялись красные круги и всплывали окровавленные головы – овечьи, лошадиные, собачьи. Потом на берег начали выползать чудовища... Змеи с оскаленными волчьими пастьями, лягушки со змеиными головами... Медленновылезла большая рыба на тонких не то паучьих, не то рачьих ногах... Выкатилась на сушу их чабанская повозка, запряженная взмысленными, мокрыми волками. Шерсть зверей была зеленоватой и очень похожей на водоросли... А отец все продолжал стрелять. Ствол ружья раскалился докрасна, потом этот жар перешел на руки Бейшена. Они стали красными и прозрачными. Вдруг он повернулся к Нурбеку и по-волчьи оскалился, обнажив сверкающие и искрящиеся зубы... Раздался глухой рык, сквозь который можно было разобрать только одно слово:

– Живи!..

Несколько мгновений, и отец взорвался, разлетевшись множеством мелких окровавленных кусков, которые начали шевелиться, превращаясь в мерзких полупрозрачных червей и подбираясь все ближе и ближе...

Нурбек закричал и проснулся... Через открытый дымоход

юрты внутрь пробивались лучи утреннего солнца. Он встал, чувствуя себя абсолютно разбитым, с тяжелой головой. Мать с братьями еще спала. Отвязав входной клапан, молодой человек выглянул наружу. По округе были разбросаны остатки вчерашнего волчьего пиршества. Прямо перед входом валялись зарезанные и наполовину съеденные лошади. От одной из них по пыльной земле тянулись выпотрошенные кишки, у другой не было задних ног. Над трупами уже всюду гудели зеленые мухи. Чуть поодаль суетливо подпрыгивал кривоклювый стервятник – ему не терпелось тоже поживиться. Нурбек с трудом подавил рвотный позыв, медленно вышел, еще раз осмотрелся. В приступе отчаяния, он упал на колени и замолотил руками по пыльной земле, до боли стиснув зубы. Каждый удар отдавался в голове огромным и тяжелым молотом. Немного успокоившись, поднялся и, пошатываясь, как пьяный, пошел к реке. Там он увидел чудом уцелевшие жалкие остатки своего хозяйства. Скотина спокойно щипала траву, как будто ночью ничего не произошло. Нурбек наклонился к воде и, зачерпнув пригоршню, умылся. Когда успокоились круги, он посмотрел на свое отражение. Из речного зеркала на него глядел незнакомый человек... Ввалившиеся щеки и глаза, почерневшее лицо, потрескавшиеся губы. Он вздохнул, поднялся и выломал из растущей прямо из воды низенькой ивы длинный прут. Попытался свистнуть, но губы не слушались. Тогда Нурбек просто хлестнул прутом ближайшего барана и погнал все то, что осталось, поближе

к юрте. Уже на подходе он услышал истерический визгливый женский плач. Предчувствуя недоброе, бегом устремился вглубь шатра... Возле близнецов ничком лежала Нураим. Нурбек присмотрелся, и у него внутри все оборвалось – братья были мертвы. Сначала могло показаться, что они спят, но у одного из мальчиков на лице застыла страшная гримаса – так, что обнажились почерневшие десны, а у второго голова была неестественно запрокинута и на закрытом глазу сидела большая зеленая муха. С тихим стоном Нурбек опустился на землю рядом с матерью и уставился перед собой в пустоту. Ему хотелось тоже умереть. Улететь вслед за отцом и братьями... Он просидел, как ему показалось, целую вечность. Вдруг ему вспомнился сон про отца и про то, что тот сказал. Собрав все силы, Нурбек встал... Поднялась и мать. Уже высохшими глазами она посмотрела на сына, и тот понял ее без слов. Сняв со стены два пустых бурдюка, Нурбек спустился к реке и набрал воды. Вдвоем они обмыли тела близнецов и завернули их в чистые белые полотенца. По обычаю, покойники должны быть похоронены до заката. Вытащив из повозки лопату, Нурбек выбрал место на возвышенности возле реки и начал копать. Инструмент выпадал из слабеющих рук, холодный пот солью жег глаза, но он продолжал с упорством обреченного. Есть и пить не хотелось. Когда солнце почти коснулось горизонта, могила была готова. С превеликим трудом, по одному, он перетащил тела к яме, уложил их головами на восток и закопал... После встал и долго-долго

смотрел на исчезающие лучи, а потом на темнеющее небо... Уже вышла луна и появились звезды, а Нурбек все стоял. Где-то внутри у него образовалась огромная пустота, и он не знал, как ее заполнить. Когда сверчки завели свой еженощный концерт, он вдруг резко очнулся и медленно побрел к юрте, закинув лопату на плечо. Зайдя внутрь и кое-как завязав входной клапан, Нурбек без сил рухнул на одеяло... Провалился в сон без сновидений. Не слышал он ни начинающейся горячки у матери, ни жалобных предсмертных криков скотины, которую пришедшие ночью закончить свое дело волки перерезали всю до единой, и до рассвета пировали. Не почувствовал Нурбек и наступления самого утра – болезнь забрала его сознание и крепко вцепилась в тело своими длинными костлявыми лапами... Не услышал он и раздавшихся поблизости звуков – звона бубенцов, конского топота и человеческой речи, не увидел, как веревки клапана были перерезаны снаружи юрты острым, как битва, ножом, войлок откинулся, и внутрь шатра, закрыв нос, вошел человек...

Глава 5

Средняя Азия, четвертая четверть XX века.

На дворе стояла весна. Тихий зеленый город расположился в предгорьях большого хребта. Если подняться немного вверх по пестрым от весенних цветов склонам, то город виден как на ладони. Прямые улицы протянулись точно с севера на юг и с запада на восток. Их переплетение издали напоминает узор, вышитый искусной мастерицей на фоне окружающих разноцветных прямоугольников полей со всходами зерновых, бахчевых и овощей, между которых, в свою очередь, просматриваются желтые, красные и синие полевые цветы. Само пересечение улиц украшено легкой дымкой цветущих деревьев – от нежно-белого яблочного и вишневого соцветия до пурпурного и бордового цвета сирени и рябины. Спустившись вниз, можно почувствовать пьянящий аромат буйства и многообразия природы вперемешку с запахом города. Ранним утром город пахнет влажной, прибитой поливомоечной машиной пылью асфальтных дорог и тротуаров, дымом тандыра и только что испеченными лепешками, свежими газетами, доставляемыми с утра пораньше в киоски.

На остановке толпился народ в ожидании транспорта. Здесь были базарные торговцы, заводские рабочие, школь-

ники и студенты. Среди этой разномастной публики стоял, ничем не выделяясь, молодой человек в темно-синих брюках, коричневых туфлях и светло-синей рубашке. Под мышкой он держал папку из кожзаменителя. Это был студент исторического факультета, звали его Асан. Не отличался он и своей внешностью – черные короткие волосы, темные раскосые глаза, худощавый, чуть выше среднего роста. В общем, типичный житель этих мест... Сегодня, впрочем, как и почти каждый будний день, он ехал в свой институт. Подошел троллейбус, и Асан вместе с другими пассажирами втиснулся в переполненный в это время транспорт.

Выйдя на нужной ему остановке, Асан блаженно потянулся, приводя в тонус затекшие конечности, – поездки в общественном транспорте требовали определенной выносливости, сноровки и усилий. На площадке перед корпусом института толпились студенты. Занятия еще не начались. Некоторые ребята стояликружком, курили и травили анекдоты, кто-то усердно в сторонке читал конспекты, видимо, готовясь к сдаче практики. У громоздкого железного автомата с газировкой образовалась очередь – внутрь него звонко сыпалась мелочь, а взамен в граненый стеклянный стакан наливался шипучий сладкий напиток.

– Эй, Асан, доброе утро! – крикнули из толпы.

Сбоку от входа в корпус, под раскидистым цветущим абрикосовым деревом, стояли одгруппники юноши. Шло усиленное обсуждение горячих новостей, перемешанных с

байками и анекдотами.

– Послушайте, тут анекдот рассказали недавно, – басил паренек маленького роста, худой, в очках, с прилизанными на пробор редкими волосами. Его громогласный басникак не вязался с внешностью и почти всегда вызывал добродушный смех окружающих. – Сидят, короче, два студента в общаге. Один другому: «Вась, а давай свинью заведем? Откроем, зарежем. Сало будет...» Второй: «Да не, ты что! Грязь же, вонь...» Первый, посмотрев вокруг: «Да ничего, привыкнет...»

Через пару секунд оратор был награжден дружным ржанием приятелей.

– А вы знаете, что Маратик вчера занял первое место на городских соревнованиях? – спросил рыжий и долговязый парень, показывая на здоровяка с типично борцовской внешностью: с накачанными руками, толстой шеей и сломанным левым ухом.

В адрес победителя тут же посыпались искренние и не очень поздравления...

– А ну, бездельники, – сказал подошедший Асан, – пойдемте, скоро лекция начнется.

Он посмотрел на часы, которые были его гордостью и семейной реликвией. Немецкие, трофейные, времен второй мировой... Родители рассказывали, что их принес дед, да и вообще, выглядели часы очень привлекательно, и Асан при любом удобном случае старался ими похвастаться.

Стоявшая перед входом толпа начала понемногу втягиваться внутрь здания, «бездельники» тоже нехотя направились ко входу.

В длинном и гулком коридоре было особенно шумно, как и всегда в перерывах, до и после занятий. Возле входа в одну из аудиторий щебетала стайка девушек. Когда Асан почти поравнялся с ними, одна из студенток отделилась от подруг и подбежала к нему. Она была по-настоящему красива. Высокая, стройная темноглазая брюнетка. Черные, цвета воронова пера, длинные до пояса волосы были заплетены в две тугие толстенные косы.

– Привет, Асанчик! – Девушка чмокнула его в щеку.

– Привет, Айка, – улыбнулся парень.

Айку, или Айганыш, он знал с первого курса. Когда они встретились первый раз, случайно, вот в таком же коридоре (а может быть, и в этом), между ними вспыхнула невидимая искра, со временем разгоревшаяся в достаточно близкие отношения, насколько это позволяло воспитание и незыблемые традиции. После окончания института влюбленные договорились пожениться. Айка-Айганыш была родом из простой сельской семьи, ее родители жили в айыле, а она сама делила в городе комнату в общежитии с такими же девчонками. Прозвенел звонок на лекцию, и студенты, толкаясь, поспешили в аудиторию.

– После поговорим, – шепнула Айка на ухо Асану и грациозно впорхнула в класс.

– ...Сегодняшняя лекция будет посвящена артефактам, которые были найдены при раскопках за последние сорок... даже пятьдесят лет... – вещал с кафедры лектор: невысокий, абсолютно лысый, с треугольной бородкой. Типичный профессор, коим, собственно говоря, он и являлся.

Дальше последовал увлекательный рассказ об участии профессора в нескольких экспедициях и экспертизах, выявивших действительно ценные находки. География его путешествий была весьма обширна, а опыт огромным, поэтому студенты слушали, ловя каждое слово, и в аудитории стояла такая тишина, что, когда лектор ненадолго замолкал, было слышно, как жужжит и бьется об оконное стекло какое-то невидимое за занавеской насекомое.

– В завершении этого семестра, насколько вам известно, будет проходить практика, – сказал профессор в конце лекции, – и как раз в это время я планирую организовать небольшие раскопки. Как всегда, будем искать что-нибудь, представляющее историческую ценность. Прошу вас не забывать, что, по некоторым данным, на этой территории люди живут уже несколько тысяч лет! Так что поездка обещает быть очень интересной. Кто из вас хочет поехать со мной?

В ответ аудитория загудела, как растревоженный улей. Поднялся лес рук.

– Вижу, желающих много... – задумчиво проговорил профессор. – Хорошо, я отберу сам наиболее подходящих мне кандидатов. Прошу тех, кого я не выберу, не расстраиваться

и не обижаться на меня. Думаю, в вашей жизни будет очень много таких раскопок, а сегодня я сделаю свой выбор на основании вашей успеваемости...

Он открыл журнал с оценками и, близоруко прищурившись, начал водить пальцем по списку. В итоге для предстоящей экспедиции было отобрано несколько человек. Асан, будучи далеко не самым отстающим студентом, тоже попал в этот список. Озвучив свое решение, профессор захлопнул журнал и объявил окончание лекции. Поскольку сегодня занятий больше не было, студенты потихоньку начали расходиться... К Асану подошла Айка.

– Ну что, какие планы у тебя на выходные? – спросила она.

– М-м-м... Особо никаких.

– Тогда погуляем?

– Конечно, давай! – обрадовался Асан. – В кино там сходим, в парк...

– Договорились! Ну а сейчас мне надо бежать.

Айка чмокнула парня в щеку и легко упорхнула. Асан остался стоять, потирая место поцелуя думая о том, какая же все-таки красивая у него девушка...

По дороге домой он решил заехать на базар, чтобы купить продуктов. Трясаясь в переполненном троллейбусе, парень размышлял о многом... О предстоящих выходных, о поездке на раскопки. Мечтал о том, что именно он, Асан, найдет самый ценный артефакт, имеющий огромную ценность для всего международного сообщества, а потом станет извест-

ным ученым с мировым именем, получит большую премию, а потом... потом для него откроют двери лучшие университеты, а он будет выбирать, куда пойти работать.

Город, тем временем, жил своей обычной жизнью. Над головой, в нежно-зеленых кронах еще не успевших покрыться летней пылью деревьев, на разные голоса пели птицы. В весенней свежей траве, пока не выцветшей и не пожелтевшей, тоже всю кипела жизнь. Пчелы собирали свой первый сладкий урожай, муравьи спешили ровным строем по каким-то важным делам, синие и зеленые стрекозы танцевали долгий ежесезонный танец.

Добравшись до базара и пройдя через рыночную площадь, Асан сквозь огромную мраморную арку попал внутрь торгового павильона. Огромная территория встретила буйством всевозможных запахов. Терпкий флер восточных пряностей перемешивался со сладким благоуханием ранней клубники, прошлогодних яблок, аромат свежее испеченного хлеба – с неповторимым запахом домашнего топленого масла и сметаны. Все это крутилось калейдоскопом, перемежаясь с яркими цветами предлагаемых покупателям щедрых даров южной природы и пестрыми одеждами торговцев и торговки. Кто-то дернул Асана за руку. Оглянувшись, он увидел старую цыганку. Сгорбленную, почти без зубов, опирающуюся на толстую сучковатую палку. От нее исходил очень неприятный запах, перебивавший даже базарный. Асан брезгливо поморщился.

– Подожди, сынок, – прошамкала цыганка.

Стараясь не смотреть в морщинистое лицо старухи, Асан пробормотал:

– Извините, но я тороплюсь...

– Успеешь, сынок. Вижу, дела тебе предстоят большие, печать на тебе вижу...

– Да-да, конечно. Я вам верю, но мне действительно очень нужно идти, – сказал Асан как можно вежливее, одновременно стараясь избавиться от оказавшейся неожиданно крепкой хватки старухи, по-прежнему не глядя ей в лицо.

– Не бойся сынок, в глаза мне посмотри. Время хочу тебе открыть...

Борясь с отвращением, Асан взглянул... В зрачках цыганки сверкнул огонек, и мир вокруг завертелся. Базарный шум превратился сначала в низкое завывание, а потом в постепенно затухающий визг. Окружающее пространство обернулось стенкой бешено вращавшейся воронки. Асан не на шутку перепугался.

– Не бойся, сынок, – ласково проговорила цыганка.

Молодой человек почувствовал, что проваливается. Все звуки, цвета и запахи пропадали где-то вверху... Глаза старухи засветились сильнее. В них как будто загорелась маленькая радуга. С ней начали происходить изменения. Морщины на лице разгладились, во рту появились зубы. Сначала желтые, блестящие, затем они резко сменились почерневшими, как у заядлого курильщика, а те, в свою очередь, быстро

светлели. Одежда из грязных лохмотьев превратилась в нарядное яркое и длинное платье. Падение прекратилось, воронка замедлилась и ее стенки стали прозрачными, постепенно принимая форму шара или мыльного пузыря. Асан зажмурился, помотал головой и снова открыл глаза в надежде, что наваждение сгинет. Но оно не прошло, не исчезло. Пропал только рынок за прозрачными стенками пузыря. Вместо него снаружи стояла деревянная конструкция – грубо сколоченный торговый ряд, состоящий из затертой и отполированной естественным путем лавки, сучковатого прилавка и крыши, покрытой непонятным материалом. Исчезла и каменная арка, стоящая на входе, не осталось ни большой асфальтированной площади, ни тротуаров. Вместо всего этого взору молодого человека предстала пыльная грунтовая дорога, по краям которой росли раскидистые ивы, а за ними в ряд, за забором из сухого камыша, стояли небольшие глиняные домики под черепичной крышей. Картину дополнял ишак, усердно жующий пучок травы. За руку Асана теперь держала молодая смуглая девушка в струящемся цветастом платье до щиколоток с длинными черными и блестящими волосами. Он хотел пошевелиться, но не смог. Воздух вокруг, с виду такой же прозрачный, как и был, на ощупь напоминал твердую смолу, замуровывающую и сковывающую движения. Тут цыганка заговорила приятным низким голосом. Этот звук завораживал, гипнотизировал, заставлял вслушиваться в каждое слово:

– Не трать силы понапрасну. Просто смотри... Я с тобой по просьбе Наставника. Осталось недолго – вот-вот придет твое время...

Асан хотел что-то спросить, но голосовые связки его не слушались.

– Расслабься, – продолжала цыганка, – очень скоро ты все поймешь, получишь все ответы. Придется делать выбор...

...На пыльной дороге показалась движущаяся точка. Вскоре стало понятно, что это идущий человек. Он шел по направлению к шару-сфере, в которой был Асан. Спустя мгновение уже можно было разобрать его черты. Это был молодой человек, приблизительно ровесник Асана. Одет он был в красную рубаху с высоким воротником и широкие темно-серые шаровары. Почти поравнявшись со сферой, странный незнакомец на секунду остановился. На лице его отразилось удивление. Он внимательно посмотрел прямо на Асана и протер глаза, как будто увидел нечто необычное. Потом он, как ни в чем не бывало, пошел дальше, пройдя мимо сферы в двух шагах, и вскоре исчез из вида. Улица оставалась пустынной, но Асан почувствовал на себе чей-то пристальный взгляд. Возможно, кто-то стоял позади, но у молодого человека не было возможности это проверить. Двигаться он не мог...

– Ну, вот и все... Прощай. Может быть, еще увидимся. Все зависит только от тебя, – сказала цыганка.

В ушах у Асана загудело, сфера начала вытягиваться в во-

ронку и его потянуло вверх. Цыганка отпустила руку и осталась внизу, быстро растворяясь. В глазах потемнело, и парень потерял сознание...

...Звук шел как бы издалека, постепенно нарастая, как будто с высокой горы катилась лавина. Он заполнил все пространство кругом, оказавшись вполне обычным базарным шумом. Асан открыл глаза...

Вокруг все плыло и кружилось, как вихрь в жарком полуденном мареве. Очень медленно приходила четкость восприятия... Наконец, парень понял, где находится. Оказалось, что он сидел перед входом в большой базарный павильон прямо на асфальте. Мимо сновали люди, опасно его обходя. Голова болела, как после хорошего удара. Опираясь руками о землю, Асан попытался подняться, но ноги были ватные и он плюхнулся обратно. Вдруг он почувствовал болезненный тычок в бок.

– Эй, чо развалился тут? На улице день еще, а ты уже напился. Давай отсюда!

Асан поднял глаза и увидел прямо над собой грузчика с тележкой, доверху наполненной фруктами. По всей видимости, Асан мешал проезду. Кое-как встав, молодой человек, держась за виски, отошел, освобождая дорогу.

– Работать надо, а не пить! – укоризненно покачав головой, сказал грузчик и ушел, толкая перед собой тележку.

Немного придя в себя, Асан вспомнил, зачем он пришел на базар. Привычно вскинув руку, чтобы взглянуть на часы,

он с удивлением обнаружил их отсутствие. Похлопал по карманам. Кошелек тоже не было... Не было и папки с тетрадями. Опустив голову, парень уныло побрел к выходу. Домой пришлось добираться пешком. Прохожие, недоверчиво косясь, обходили его стороной, потому что в своем вывалянном в пыли костюме он был похож на бездомного бродягу. Добравшись до дома — типовой кирпичной четырехэтажки, и поднявшись на свой этаж, Асан еще раз осмотрел карманы. К счастью, ключи от квартиры не пропали. Зайдя внутрь, он со злостью сбросил с себя грязную одежду, швырнул ее в стирку, переоделся в домашнее и с мрачным видом развалился на стареньком клетчатом диване, предварительно включив телевизор. Шли новости, диктор бодрым голосом вещал о последних достижениях в какой-то области, но информация не воспринималась — настроение было хуже некуда. Асан вполголоса бормотал проклятия в адрес хитрой цыганки, так умело его облапошившей, ругал себя за беспечность.

В дверь позвонили. Молодой человек с угрюмым лицом пошел открывать. Распахнув дверь, он с удивлением уставился на посетителя — чернявого подростка лет двенадцати-тринадцати.

— Ты Асан? — с вызовом спросил мальчишка, презрительно оглядев его с головы до ног.

— Ну я. А ты кто такой и что тебе... — тут вопрос застрял у Асана в горле, потому что пришедший протянул... его часы, целые и невредимые.

– Наставник просил передать, – пробурчал подросток, – и вообще, в следующий раз поаккуратнее со своим добром.

Он всунул часы в руку застывшего с открытым ртом Асана, развернулся и вприпрыжку начал спускаться по лестнице.

– Эй, подожди! Откуда это? Как ты меня нашел? – опомнившись, прокричал Асан вслед мальчишке.

– Наставник сказал ничего тебе не говорить. Передал только, что придет время, сам все узнаешь...

Хлопнула входная дверь в подъезде. Подросток убежал, а ошарашенный Асан так и стоял на пороге своей квартиры с часами в руке. Наконец до него дошло, что стоять нет смысла и он, надев часы на руку, закрыл дверь и уселся обратно перед телевизором, по-прежнему не понимая, о чем там говорят. В голове снова и снова прокручивались события сегодняшнего дня. Основной вопрос был: кто такой этот таинственный наставник, и что ему надо...

Глава 6

...Ни в этот, ни в последующие дни никто не появился. Наступили выходные. Утром в субботу раздался телефонный звонок. Асан снял трубку.

– Алло!

– Привет! Ты не забыл, какой сегодня день? – раздался в трубке Айкин голос.

– А... привет... м-м-м... конечно, помню, – не очень уверенно ответил Асан.

– Отлично, тогда через два часа жду тебя возле нашего парка, – сказала Айганыш и отключилась.

«Нашим» парком она называла место, где когда-то прошло их первое с Асаном свидание. Там, в тени раскидистых деревьев, было приятно погулять, поговорить, помечтать на любые темы, рядом находились кинотеатр и летнее кафе, по вечерам играла музыка и можно было потанцевать или просто посидеть на лавочках в романтической обстановке.

Наскоро собравшись и захватив немного денег, ровно в назначенное время Асан был на месте. Айка опаздывала. Он стоял, нетерпеливо переминаясь с ноги на ногу и желая высказать свое недовольство по этому поводу, почти ежеминутно глядя на часы, но, когда она, наконец, появилась, в легком летнем платье, подчеркивающим ее точеную фигуру, с распущенными волосами, все претензии куда-то улетучились.

– Ты сегодня потрясающе выглядишь! – только и сказал парень.

– Спасибо, Асанчик, – ответила девушка, скромно потупившись. – Ты уж меня извини за опоздание... Красота требует времени и жертв.

– Ой, ладно тебе. Не так уж и долго я прождал, – ответил Асан. – Куда пойдём?

– Давай в кино? – предложила Айганыш.

– Давай, – согласился парень. И, взявшись за руки, со счастливыми лицами они пошли к билетной кассе.

До ближайшего сеанса оставалось прилично времени и поэтому, взяв билеты, молодые люди решили прогуляться. Они шли, поглядывая друг на друга и иногда на кроны деревьев...

– А знаешь, мне очень нравится наш город, – вдруг сказала Айка, – он красивый, здесь много интересных людей. После окончания учебы я бы хотела остаться здесь. Устроилась бы в школу и учила детишек. А после работы мы с тобой приходили бы сюда, ну или на площадь, к фонтанам, или в музей, или в театр или... да много куда можно пойти... Ты же меня одну не оставишь?

– Нет, конечно, не оставлю. Но я хочу стать известным археологом, найти кучу важных артефактов, получить ученую степень, премию... Так что придется тебе меня иногда отпускать в экспедиции на раскопки. Но это будет ненадолго, и я буду скучать и всегда о тебе думать.

– Правда? Всегда-всегда?

– Конечно, – Асан остановился и поцеловал девушку. Потом сорвал с ближайшей клумбы большую красивую розу и отдал со словами:

– Это тебе. Для меня ты будешь всегда красивой, как этот цветок.

– Спасибо, – ответила девушка и заметно покраснела. Воцарилось неловкое молчание.

– Слушай, нам уже пора, – сказал Асан, взглянув на часы, – сеанс сейчас начнется. Побежали, чтобы не опоздать!

Они, как два подростка, вприпрыжку рванули к кинотеатру. Запыхавшиеся и раскрасневшиеся, но счастливые, успели как раз вовремя – пожилая билетерша уже запускала зрителей в зал.

После фильма влюбленные вышли из кинотеатра, переполненные эмоциями, оживленно обсуждая наиболее запомнившиеся моменты картины. Решив еще немного пройтись, направились к площади с фонтанами. Чем ближе они подходили, тем больше становилось вокруг гуляющих людей – площадь была излюбленным местом отдыха многих горожан.

– Знаешь, Асанчик, – сказала Айганыш, – я хочу когда-нибудь, как та героиня в кино, выиграть много-много денег. Так много, чтобы хватило и нам, и нашим родителям, чтобы мои продали дом в деревне и переехали в город.

– Ну, деньги – это, конечно, хорошо, но может быть тво-

им родственникам хорошо там, где они сейчас живут? Они же там привыкли к тишине и размеренности, а здесь шум, суета... город, в общем. Тут все по-другому...

– Ой, да я уверена, что им здесь понравится. Что они там видят? Бесконечная работа по хозяйству, земля, скотина... Ой, а что это там, пойдем посмотрим?

Возле большого фонтана стояла группа людей и что-то увлеченно обсуждала, показывая пальцами куда-то вниз. Асан и Айка подошли, встали рядом и тоже начали с интересом наблюдать. А происходило вот что.

Перед толпой сидел на корточках молодой худощавый парнишка с хитрым взглядом. Перед ним лежала дощечка, а на ней стояли три стаканчика, перевернутые вверх дном. За небольшую плату парнишка предлагал угадать, под каким из стаканчиков находится шарик. Люди внимательно смотрели, как «ведущий» ловко перетасовывает стаканчики, периодически показывая, что под одним из них действительно есть шарик. Потом они по одному делали ставки, и многие выигрывали. «Ведущий» громко зазывал прохожих:

– Кручу-верчу,

Обмануть не хочу!

Подходи, будь смелей,

Не жалея ты рублей!

За рубль качу,

Угадай – три плачу!

Несколько раз он стрельнул хитрыми глазками в сторону

Айки и Асана.

– Ой, я, кажется, его знаю, – прошептала Айка на ухо своему парню, – это из студенческого профкома политеха. Молодцы политеховские, интересные игры придумывают!

Асану «ведущий» тоже показался знакомым, только он никак не мог вспомнить, где его видел.

– Асанчик, давай тоже сыграем? Посмотри, почти все выигрывают, нам точно повезет, – опять прошептала Айка.

Тут «ведущий», как будто услышав ее слова, посмотрел на ребят и подмигнул Асану.

– Подходи, дружище, попробуй счастье, – сказал он.

Из толпы раздалась одобрительные возгласы и часть людей подвинулась, уступая место поближе к «игровой площадке». С некоторым недоверием Асан вытащил кошелек и достал оттуда рубль. «Ведущий» тут же ловко начал крутить стаканчики, показав, где находится шарик.

– Кручу, верчу, обмануть не хочу...

Асан внимательно следил за его руками, пытаясь не упустить из вида «тот самый» стаканчик. Перетасовка закончилась.

– Выбирай, дорогой, и весь выигрыш будет твой! – пропел «ведущий» и замер в выжидательной позе.

Асан немного подумал и уверенно указал на один из стаканчиков.

– Рубль на него положи, уважаемый, – сказал «ведущий».

Асан повиновался. Парнишка ловко подхватил купюру и

поднял стаканчик. Шарик оказался под ним.

– Ура! – радостно вскричал «ведущий». – Поздравляю победителя. Ты выиграл трешку!

Наблюдатели одобрительно зашущукали, кто-то похлопал Асана по плечу. Получив обратно свои деньги вместе с выигрышем, он широко улыбнулся.

– Асанчик, давай еще сыграем? – сжав его руку, зашептала Айка.

Из толпы подхватили:

– Да, счастличик, послушай свою даму. Сегодня твой день!

Асана захватил азарт, и он согласно кивнул. И опять завертелось...

– Кручу-верчу, обмануть вас не хочу,

Будет трешка на такси – в ресторанчик отвези,

А с десятичкой в кармане будешь счастлив в ресторане...

Асан ткнул пальцем стакан и положил на него только что выигранную трешку.

– Невероятно! Этому парню сегодня везет! – вскричал «ведущий», поднимая стаканчик и демонстрируя зрителям, что шарик там. Он отдал Асану его трешку, а сверху положил новенькую хрустящую десятку.

Публика восторженно зааплодировала, захлопала в ладоши и Айка.

– Везунчик, не оставляй удачу. Давай еще сыграем? – предложил «ведущий».

– Давай-давай, – поддержала его толпа.

Асана буквально распирало от гордости за выигрыш и сознание рисовало ему чудесную картину похода в ресторан с любимой девушкой. Он согласно закивал.

– За червонец даю полтинник! – поднял ставки «ведущий» и опять лихо закрутил стаканчики.

Асан внимательно следил за его руками, и когда «кручу-верчу» закончилось, уверенно указал на тот стаканчик, под которым был шарик, и положил десятку сверху. «Ведущий» взял деньги, похрустел ими, и поднял стаканчик. Шарика под ним не было...

– Не беда. Один раз – не хитрый глаз, – успокоили Асана из толпы. – Пробуй еще.

– Ну давайте, – вздохнул Асан. Ему очень не хотелось остаться без выигрыша.

– Ставки такие же. За червонец даю полтинник! – объявил «ведущий».

Толпа одобрила, и Асану пришлось опять лезть в кошелек за недостающей суммой. Снова все завертелось. Асан очень внимательно следил за стаканчиками. Он был уверен, что ни за что не упустит тот, «правильный», из виду. Когда игра остановилась, парень поставил именно на него. «Ведущий» сгрэб деньги, показал их людям, сделал театральную паузу и поднял стаканчик. Там вновь было пусто...

– Попытайся еще! – кричал народ. – Неужели уйдешь без выигрыша?

– Ну ладно, – неуверенно сказал Асан, – только у меня денег почти не осталось...

«Ведущий» критично осмотрел молодого человека, а потом, как бы делая одолжение, предложил:

– Давай: твой ремень – мой червонец?

Асан секунду подумал, махнул рукой и вытащил из брюк свой новенький кожаный ремень...

– Кручу-верчу, обмануть не хочу,

Наши денежки в мешках,

Они стоят ремешка... – весело приговаривал «ведущий», все быстрее и быстрее раскручивая стаканчики. Внезапно он остановился и, сделав приглашающий жест, замер в ожидании.

Асан показал на нужный стаканчик, скрутил ремень и положил его рядом. «Ведущий» поднял тару и... там ничего не оказалось. По толпе пронесся вздох разочарования. Айка стояла, испуганно вцепившись в руку молодого человека, и молчала.

– Ну давай, ради твоей мадам, дам тебе еще один шанс, – сделал одолжение «ведущий».

– А что я могу предложить? – спросил Асан.

Еще раз осмотрев его, «ведущий» остановил взгляд на часах...

– Хорошие часики, – сказал он, многозначительно прищелкнув.

– Но... я не могу... это... это подарок, – неуверенно про-

бормотал Асан.

– Часики за ремень и полтинник сверху, – сказал «ведущий», вытащил из кармана два четвертака и пошелестел ими под носом у Асана.

Тот посмотрел на Айку, но она только пожала плечами. В такой неловкой ситуации они оба оказались первый раз в жизни. Асан вздохнул, снял часы и кивнул «ведущему». Забегали стаканчики под веселую приговорку, толпа одобрительно загудела. Когда перетасовка закончилась, Асан долго и внимательно смотрел на игровое поле, а затем решительно положил часы на выигрышный вариант...

– Ты уверен, уважаемый? – демонстративно-театрально переспросил «ведущий».

– Да, – ответил Асан.

Стаканчик поднялся, и под ним ничего не оказалось.

– Вы проиграли! – объявил «ведущий», забирая часы. – Приходите еще, всегда рады вас видеть...

Асан опустил голову и отошел в сторону. Его одолевали злость и обида. На Айку, на себя, на толпу, на «ведущего». На то, что он уже второй раз потерял ценный подарок... Айка стояла рядом, не зная, что сказать. Она чувствовала себя виноватой за произошедшее.

Тем временем «ведущий» распахнул по карманам свой выигрыш, сложил один в один стаканчики, взял под мышку доску и как-то незаметно испарился. Разочарованная толпа тоже начала расходиться, и в итоге Асан с Айкой остались

Одни.

– Кхе-кхе... – раздалось сзади, и Асан подпрыгнул от неожиданности.

Обернувшись, он увидел человека. Выглядел тот весьма колоритно, и это сразу бросалось в глаза. Черные, с золоченой вышивкой по бокам, шаровары, темно-красная рубаха с причудливыми узорами, начищенные до блеска кожаные сапоги. На вид ему было лет пятьдесят или около того. Чуть выше среднего роста, но очень широкий— настоящий богатырь. Достаточно просторная рубаха была ему почти в обтяжку, под тканью просматривалась очень развитая мускулатура то ли борца, то ли тяжелоатлета. Вдобавок ко всему, незнакомец обладал густой черной бородой с редкой проседью, и это придавало ему весьма солидный и грозный вид. Волосы его прикрывала широкополая черная шляпа. Оглядев Асана с ног до головы, мужчина спросил глубоким басом:

– Молодой человек, не подскажете, который час?

При этом, как показалось Асану, глаза незнакомца странно блеснули.

– Извините, часов нет, – ответил Асан, покачав головой.

– Странно, с виду приличный, а часов нету... – мужчина хитро прищурился.

– Ясно... Вы, наверное, были там, в толпе, и теперь просто издеваетесь, – с горечью проговорил Асан.

– В какой толпе? Вы о чем, молодой человек?

– Пошли, Айка, – пробормотал Асан, беря девушку за руку и поворачиваясь спиной к незнакомцу.

– Ни в какой толпе я не был, – прозвучало им вдогонку, – а вот ты, Асанчик, что будешь делать? Второй раз потерял такой ценный подарок...

Асана как током ударило. Он резко повернулся.

– Вы... вы... откуда вы меня знаете?

– Вечно валяются на мою голову... – пробурчал богатырь себе в бороду, – молодые, зеленые... всему их учить надо... Хотя, здесь еще рановато будет... Этот еще кирпич от батона не отличит...

– Что вы там бормочете? – вспыхнул Асан. – Вы кто вообще?

– Придет время, узнаешь... А теперь совсем чуть-чуть, во-от столечко, – он показал пальцами, сколько, – меня послушай. Во-первых, запомни, а лучше запиши, что подарками вот так не разбрасываются. Во-вторых, бесплатный сыр только на базаре, и то, если украдешь. А из тебя, как я вижу, крадун никудышный. В-третьих, – незнакомец укоризненно посмотрел на Айку, – послушай женщину и сделай наоборот...

– Да как вы... – начал было Асан, но здоровяк легонько ткнул пальцем ему в грудь, и он понял, что язык перестал его слушаться.

– Тем более, как ни грустно тебе это слышать, она твоей не будет, – продолжил незнакомец. – Ну, и в-четвертых, я устал

бегать за твоим оберегом, или, как там у вас, тумаром. Вот, второй раз возвращаю! – Он извлек из кармана шароваров асановские часы и засунул их в карман оторопевшего молодого человека. – И последнее... Ты еще не готов все узнать. Испытание будет, а там посмотрим. Как пройти его, сам должен понять. Если когда-нибудь такое случится, придешь в цыганский район и спросишь дядю Мишу. Тебе покажут. Ну все, бывай! – Мужчина развернулся, чтобы уходить, но, видимо что-то вспомнив, хлопнул своей ручищей себе по шляпе. – Совсем забыл: у тебя же денег нету! – Ухмыльнувшись, незнакомец достал трешку, вложил ее в руку Асана и сжал его пальцы. – Это тебе на такси. А теперь точно – бывай! – Он подмигнул и быстрым шагом пошел прочь.

Асан стоял и не мог поверить в произошедшее. Но часы были в кармане, а деньги в руках. Когда здоровяк исчез из вида, к молодому человеку вернулся дар речи.

– Ты... ты это видела?

– А кто это был?

– Не знаю, в первый раз его вижу.

– А он, похоже, тебя не в первый... Ты точно его не знаешь? – спросила девушка с сомнением.

– Да нет же...

– Тогда почему он сказал, что ты свои часы не в первый раз теряешь?

Асан почесал затылок и поведал Айке, каким образом ему вернулись эти часы в первый раз. Естественно, он опустил в

своем рассказе сверхъестественные обстоятельства, дабы не выглядеть сумасшедшим.

– М-да, очень странная история, – сказала Айка, когда парень закончил рассказ. – Мне кажется, им что-то от тебя нужно...

– Ты же сама все слышала только что! Этот странный человек ничего толком не сказал, так что я знаю столько же, сколько и ты. Испытание какое-то... Тумар этот... – Он вытащил часы из кармана. – Хотя какой это тумар?.. Часы как часы. Про тебя еще какую-то чушь нес... – Асан надел часы на руку.

– Ладно, Асанчик, не бери в голову. Поехали отсюда, а то уже поздно, мне к занятиям готовиться нужно.

Асан посмотрел на трешку, до сих пор зажатую в руке, и, немного подумав, повел девушку к ближайшей стоянке такси. Он ничего не сказал, но на душе было беспокойно...

Глава 7

...Время шло как ему положено. Город жил своей жизнью. Весенняя прохлада понемногу уступала эстафету летней жаре. Отцвели яблони, абрикосы. На местесоцветий появились маленькие зеленые плоды. Склоны гор до самых снегов где-то наверху приобрели привычный летний изумрудный цвет. В самом городе после полудня остановилась жарко и жизнь замедлялась. Немногочисленные прохожие лениво двигались по тротуарам, в каждой чайхане сидели люди, которые сбивали жару зеленым чаем. На дорогах, начинающих плавиться от горячего азиатского солнца, возникали настоящие миражи – если посмотреть вдаль, то казалось, что на асфальтеразлита огромная лужа.

В институте, где учился Асан, заканчивались занятия и впереди были экзамены. Сам он много времени проводил в библиотеке, и, несмотря на частые приглашения однокурсников, почти не участвовал в студенческих посиделках. Иногда на выходных парень созванивался с Айганыш, и они вдвоем куда-нибудь ходили. О том неприятном случае не разговаривали, и постепенно все начало забываться. Однажды, накануне экзамена, в институте возле расписания Асан увидел объявление о том, что на кафедре назначен предварительный сбор участников экспедиции. В день собрания, а

это было как раз после окончания занятий, студенты из списка были на месте и не терпелось узнать, когда и куда будет эта экспедиция.

Было жарко, и ребята сидели, обмахиваясь тетрадями. Вошел профессор, оглядел присутствующих, достал носовой платок, вытер лицо и начал говорить:

– Я смотрю, что все в сборе. Молодцы, что ответственно отнеслись к сегодняшней встрече. История и археология, в частности, науки не совсем точные, но, как и другие, требуют внимательного и по возможности аккуратного отношения к себе. Хочу пожелать всем собравшимся сдать предстоящие экзамены с хорошими оценками и вовремя, потому как не сдавшие и сдавшие с опозданием, к сожалению, не смогут отправиться в экспедицию.

Молодежь неодобрительно загудела.

– Да-да, уважаемые студенты, – прервал недовольные возгласы профессор, – так и будет. Итак, продолжим. После экзаменов мы с вами, при поддержке Института истории и археологии при академии наук, организовываем экспедицию. На сегодняшний день моими коллегами из Академии предложено несколько вариантов раскопок, которые находятся в разных местах. Я собрал всех вас сегодня, в частности, для того, чтобы вместе решить, куда мы поедем.

Он открыл стол, достал записную книжку, надел очки, откашлялся и продолжил:

– Представляю вашему вниманию, уважаемые студенты,

возможные варианты нашего путешествия. Первый – это раскопки древнего городища на юге республики. Нас будут интересовать предметы быта и орудия охоты людей, живших на этой территории примерно четыреста лет назад. Второе – это раскопки курганов в центральной части страны. Здесь нам предстоит искать в большей степени военные артефакты, поскольку в этих местах часто проходили сражения враждующих кланов. И третий вариант, на мой взгляд, наиболее любопытный. Это поиски останков одного из библейских пророков. Согласно легендам и манускриптам, расшифрованным нами, его захоронение может располагаться в одной из пещер в горах возле озера. Площадь поисков достаточно обширна, но артефакт уникален. Итак, уважаемые студенты, прошу проголосовать за наиболее понравившийся вариант.

После недолго раздумья все единогласно высказались за третий вариант.

– Вот и отлично, – подытожил профессор, – я сообщу коллегам наше решение и займусь приготовлениями. Нам потребуется транспорт, палатки и весь необходимый инструмент. Нужно все предусмотреть, чтобы там ничего не мешало вести нашу работу. В случае успеха мы впишем наши имена в страницы современной истории! Ну что же, хочу еще раз пожелать вам всем успешной сдачи экзаменов, и до встречи на сборах!

Профессор встал из-за стола и вышел из кабинета, а вслед

за ним понемногу разошлись и студенты.

Экзамены пролетели незаметно: для Асана, усиленно готовившегося к сдаче, не составило труда пройти все испытания с первого раза.

Подходил долгожданный день отъезда в экспедицию. Незадолго до этого Асан встретился со своей девушкой. Они неспешно шли по вечернему городу, наслаждаясь сливочным мороженым. Вдруг Айка остановилась, крепко прижалась к парню и, посмотрев в его глаза, сказала:

– Асанчик, вот ты уезжаешь, а мне почему-то совсем не хочется тебя отпускать...

– Да что там, каких-нибудь пару недель – и все. И даже возможно, что вернусь я уже известным человеком... если найдем то, что хотим.

– Ты знаешь, я буду очень скучать. И не представляю, что буду без тебя делать.

– Хм... А ты езжай пока к родителям. Повидаешься с ними, поможешь по хозяйству. И они будут рады, и у тебя время быстрее пройдет. А я, как вернусь, сразу позвоню.

– Я все равно буду очень скучать...

– А я буду о тебе постоянно думать, – ласково сказал Асан, погладив Айганыш по голове, – и постараюсь побыстрее приехать.

– Ну хорошо, я тебе верю, – тихо произнесла она.

– По-другому и не будет. – Парень поцеловал Айку, и она как-то сразу обмякла, успокоилась. Погуляв еще немного,

они, попрощавшись, разошлись.

Тем же вечером, придя домой, Асан начал собираться в дорогу. Он упаковал в свой походный рюкзак две пары сменного белья, зубную щетку с пастой, мыло и бритву. Не забыл и про спички, предварительно завернув их в целлофановый пакет. Потом, немного подумав, положил чай, несколько банок с консервами, соль и походный нож. Еще раз перепроверив все содержимое, Асан закрыл рюкзак и лег спать. Сон никак не шел, и молодой человек проворочался почти до рассвета, но, проспав всего пару часов, проснулся на удивление бодрым. Наскоро позавтракав и одевшись, он выдвинулся к точке сбора. Подъехав туда, Асан увидел, что все участники экспедиции были на месте и ждали только его. Пунктом отправки выбрали автовокзал. Решено было до соседнего областного центра доехать на автобусе, а там уже их должен был ждать грузовик с оборудованием и продовольствием. Убедившись, что всена месте, профессор пошел к кассе и оформил билеты на ближайший рейс до областного центра. После этого участники веселой толпой высыпали на перрон. Настроение у всех было отличное, звучали шутки и смех. К перрону подали на посадку новенький туристический «Икарус». Ребята расселись по своим местам, кондуктор проверил наличие билетов, и автобус тронулся...

Остался позади город с его пыльными магистралями, высотными домами, магазинами и светофорами. Начались пригороды с одноэтажными строениями, редкими автозаправками

ми и растущими по обочинам высоченными и стройными тополями. Закончились и пригороды. Дальше замелькали зеленые поля с лесополосами из яблонь, тутовых и абрикосовых деревьев. Поля простирались, насколько хватало глаз, а с двух сторон – с востока и юга, постепенно надвигались высокие горы с белеющими снежными шапками. То тут, то там попадались стада домашней скотины, сопровождаемые пастухами на лошадях. Поля закончились. С одной стороны дороги текла река, несущая свои воды далеко в степи и там теряющаяся, но здесь она была полноводной и быстрой. С другой стороны потянулись каменистые предгорья. Пару раз встретились небольшие хутора в несколько домов. В это время года некоторые из них стояли пустые, потому что их хозяева кочевали вместе со скотиной по пастбищам...

Автобус остановился на большой парковке перед въездом в ущелье. Ее охраняли каменные изваяния архара и сокола. Выйдя из автобуса, наши путешественники почувствовали, что температура тут ниже, чем в городе. Сам воздух был очень чистым и прохладным. Хотелось наслаждаться им, вдыхая полной грудью. На парковке стояло несколько грузовиков, водители которых остановились на отдых, и еще один автобус, следующий в обратную сторону. Здесь же сновали несколько торговцев, предлагающих жареную рыбу, свежие пирожки и кумыс.

Размяв затекшие ноги и немного подкрепившись, группа двинулась дальше. Въехав в ущелье, ребята как будто очу-

тились в другой реальности: отвесные скалы обступили автобус, и казалось, что петляющая дорога вот-вот закончится тупиком, упершись в вертикальный монолит, уходящий вверх почти до самых небес. С одной стороны дороги, под крутым обрывом, текла очень быстрая горная река. Шум ее вместе с гулом мотора отражался от голых скал и многократно усиливался, становясь похожим на громогласное рычание чудовища. С другой стороны, прямо в скалах был пробит туннель и через него проложена железная дорога. Немного погодя автобус будущих археологов обогнал состав, который, натужно гудя и дымя, тянули в гору аж три тепловоза. Сама дорога, по которой ехали участники экспедиции, была очень узкой. На ней едва могли разъехаться две встречные машины. Она изобиловала опасными поворотами, крутыми подъемами и спусками, так что продвигались путешественники достаточно медленно, но маленькая скорость давала возможность сполна насладиться суровой красотой окружающей природы. В одном месте они проехали аккуратно выложенный камнями родник с чистой хрустальной водой. Возле него стояло несколько легковых машин и два пастуха на лошадях. Наши археологи запасались питьевой водой. Еще дальше ребята проехали мост над пропастью, в глубине которой текла едва различимая река.

Вдруг, как по волшебству, горы расступились, открывая взгляду большую равнину, поросшую облепихой. То тут, то там мелькали пасечные домики с ульями. Река ушла в сторо-

ну и потерялась из вида где-то в горах. В окна автобуса залетел свежий солоноватый ветерок. Путешественники приблизились к Горячему озеру. Через несколько километров дорога пошла вдоль береговой линии. В этой части озера располагалась курортная зона. Берег представлял собой один гигантский пляж протяженностью почти в сотню километров. Повсюду виднелись большие и маленькие дома отдыха. Также вдоль дороги встречались компактные поселки, в которых жили преимущественно крестьяне. Благоприятный климат озерной долины способствовал хорошему урожаю.

Незаметно для себя Асан задремал, а когда проснулся, автобус уже спускался с невысокого перевала и вдалеке был виден областной центр – промежуточная точка их маршрута. Проехав по полупустой центральной улице, автобус подвез путешественников к небольшому автовокзалу, где их должен был ждать другой транспорт, на котором они планировали добираться до конечной цели экспедиции. Однако, когда студенты выгрузились из автобуса, к ним подошел человек и представился встречающим, сообщая, что, к сожалению, их транспорт будет только завтра. На сегодня им предложили переночевать в местной гостинице. Поскольку путь был неблизким и солнце уже клонилось на закат, порядком уставшие люди были рады такой неожиданной передышке. Заселившись в простенькую гостиницу и наскоро поужинав, они уснули. Рано утром, как только взошло солнце, пришел тот же человек и сказал, что транспорт прибыл и ждет от-

правки. Заявленным средством передвижения оказался полноприводный военный «Урал» с тентованной будкой. В него уже были загружены палатки, инструменты и весь необходимый запас продовольствия. Через два часа тряски в жестком кузове по бездорожью исследователи прибыли на место. Выгрузившись, руководитель группы поблагодарил водителя и хотел отправить его назад, но тот сказал, что прикомандирован к ним на весь период экспедиции. Он отогнал машину немного в сторону и стал помогать молодым археологам разбивать лагерь. По кругу они расставили несколько жилых палаток, в центре – походную кухню, в нее сложили запасы еды. После этого все разбрелись осматривать местность. Территорией поисков было высокогорное плато с протекающим по нему несколькими горными ручьями. Сразу же за плато находилась отвесная скала, выше которой начиналась зона вечных снегов. По склонам с двух сторон росли огромные сосны и ели. Основательно осмотревшись, участники экспедиции собрались в лагере и профессор, развернув карту местности, стал рассказывать. Оказывается, ученые, исследовав найденные в разных уголках древние документы, а также легенды и предания, предположили, что в этих краях в начале современного летоисчисления в одной из многочисленных пещер могли быть похоронены останки одного из библейских святых. По крайней мере, его следы обрывались именно в этой местности. Профессор также сказал, что в разное время здесь работали несколько групп ученых, но поиски пока

не увенчались успехом. Так что, если именно им посчастливится отыскать эти останки, они станут известными на весь мир и впишут свои имена в историю.

– Условия поиска затрудняются местностью, – добавил он, – и большим количеством пещер. Очень часто полузасыпанных или заваленных вообще. Кроме этого, здесь могут попадаться дикие звери. Так что, уважаемые студенты, будьте предельно осторожны. На сегодня предлагаю поиски отложить, хорошенько отдохнуть, а завтра с утра с новыми силами приняться за работу.

Все дружно с ним согласились. Так прошел первый день. Когда стемнело, группа собралась возле костра, разложенного в центре лагеря. Профессор, попивая крепкий чай с дымком из походной кружки, начал рассказывать истории. Он оказался очень хорошим оратором, и все слушали его, затаив дыхание. Вспоминал он, как маленьким мальчиком вместе с родителями бежал от ужасов войны, от голода. Как их, проголодавшихся и больных, приютила одна местная семья. Накормила, одела и предоставила жилье, хотя сама она не была богатой. Как всеми соседями собирали его в школу, как тепло и по-родственному приняли его одноклассники. Уже тогда профессор решил, что всю свою жизнь посвятит этому краю. Еще со школьной скамьи у него появилась страсть к истории, поэтому дальнейший выбор профессии был очевиден. Рассказал он и про своих учителей, которые помогли ему в становлении и развитии. О том, как таким

же студентом начал свою научную деятельность. В один момент профессор прервался и задумался, посмотрев в звездное небо. Оно как будто нависало прямо над лагерем и казалось, что протяни руку – и можно сорвать и спрятать в кармане какую-нибудь звезду. Окружающие горы в темноте чудились таинственными великанами, застывшими в ожидании. Воспользовавшись этой паузой, водитель достал из кабины комуз – трехструнный инструмент, настроил его и запел, аккомпанируя, строки из народного эпоса, передаваемого из поколения в поколение не одну сотню лет. Эти завораживающие звуки разносились далеко вокруг, усиливаемые скалами и эхом. Уже за полночь, довольные и уставшие, все разошлись спать по палаткам. Впереди предстояла нелегкая работа.

Утром, когда Асан, проснувшись, вылез из палатки, ярко светило солнце. По плато гулял свежий ветерок. Профессор сидел неподалеку и внимательно изучал карту местности, делая пометки карандашом. Когда все проснулись и наскоро позавтракали разогретыми консервами, профессор собрал их и провел инструктаж относительно графика поисков. Предупредил ребят о том, что нужно соблюдать осторожность, разделил по группам, раздал необходимый инструмент – веревки, лопаты, фонари – и распределил по участкам. Поиски начались. Каждой из групп достался приличная часть территории, которую они должны были исследовать метр за метром, каждое углубление, каждую пещеру. Но

это оказалось занятием не из легких. Большая часть пещер была почти полностью завалена, и приходилось по несколько часов попросту откапывать вход. К вечеру все собрались в лагере, чтобы поделиться результатами, но несмотря на то, что была проделана большая работа, итог пока был нулевой. Профессор всех приободрил, сказав, что это нормально.

– Думаю, что мы на правильном пути, и считаю, что с пустыми руками мы не уедем, – добавил он.

Но ни на следующий, ни через день результатов не было. Искатели перелопатили уже много кубометров грунта, однако их добычей были пока что пара пепелищ от костров охотников, по всей видимости, когда-то укрывавшихся от непогоды, и помет летучих мышей...

Однажды под вечер погода начала портиться. Задул порывистый ветер. Небо затянулось тучами, резко похолодало. Через некоторое время над вершинами засверкали молнии и загредел гром. На землю упали первые капли дождя. Едва все успели забраться в свои палатки, как начался ливень. Он шел стеной, так что дальше вытянутой руки ничего не было видно. За считанные минуты земля превратилась в раскисшую грязь, а маленькие ручейки в бурные потоки, почти выходящие из берегов. Вскоре ливень прекратился, перейдя в морось, которая продолжалась почти до утра. С рассветом и она кончилась, но солнце было скрыто плотными тучами, так что земля не успела просохнуть, и вышедшие из палаток люди были вынуждены передвигаться по хлюпающей и чав-

кающей грязи. Дальнейшие поиски решено было отложить и весь последующий день археологи провели в разговорах и безделье.

На следующее утро земля немного подсохла. Посоветовавшись, группа решила предпринять вылазку. Лишь водитель, категорично осмотрев местность, покачал головой и высказал опасения по поводу того, что в такую неустойчивую погоду может сойти селевой поток, и желательно было бы держаться подальше от склонов. Но уставшая от безделья за предыдущий день молодежь пожелала продолжить работу немедленно. Ребята заверили, что будут предельно осторожны и при первых же признаках схода сразу же покинут опасный участок. На том и порешили. Асан и еще несколько человек, вооружившись инструментами, выдвинулись на свой квадрат. Он располагался у подножья почти отвесной скалы. По пути им пришлось переходить вброд ручеек, который еще позавчера можно было перепрыгнуть. Придя на место, искатели начали раскапывать примеченную накануне полузаваленную пещеру. Видно было, что в нее очень давно никто не входил, поскольку грот густо зарос кустарником и травой и был почти засыпан, а в оставшийся лаз могла протиснуться разве что лиса. Ребята с усердием копали и вскоре расширили вход до размеров, позволяющих пролезть на четвереньках. Обвязавшись веревкой и взяв фонарь, Асан вызвался первым войти в пещеру. Ни он, ни его спутники не обратили внимания на то, что откуда-то сверху прилетело

несколько мелких камешков. Проникнув внутрь, парень по-светил вокруг фонарем. Пещера оказалась самой обычной. С потолка, высоты которого не хватало даже, чтобы выпрямиться в полный рост, свисала паутина. Возле стены лежало несколько обглоданных костей какого-то мелкого животного да виднелись клочки свалывшейся шерсти. Асан уже собрался было выползти обратно, когда услышал снаружи крики и быстро нарастающий гул как будто приближающегося поезда. Он увидел, что его спутники начали убежать и что сверху стали падать камни величиной с человеческую голову вперемешку с грязью. Шум нарастал и уже был настолько громким, что закладывал уши. Вдруг сверху рухнула огромная глыба, разом закрыв весь вход в пещеру. Стихли все звуки, и Асан остался один в маленьком пространстве. Единственным источником света был фонарь. Молодого человека охватила паника, и он начал лихорадочно долбить лопатой камень, заваливший вход, но тот не поддавался. С усердием обреченного, он долбил скалу до тех пор, пока лезвие лопаты не затупилось и не загнулось. Тогда Асан отбросил ее и сел, попытавшись успокоиться. Через какое-то время ему это удалось.

– Эй, есть тут кто-нибудь? – крикнул он в стену, но ответом ему была гнетущая тишина.

«Так, спокойно, – сказал он сам себе. – Сейчас они сходят за помощью и быстро меня откопают». Парень посмотрел на часы – было без четверти два. Он погасил фонарь, чтобы

экономить батарею, и стал ждать, прислонившись спиной к камню, закрывавшему вход. Время тянулось очень долго, как бесконечность. Иногда Асан на несколько секунд зажигал фонарь, чтобы взглянуть на часы. Минуло уже три с лишним часа, а за ним пока никто не пришел. Вдруг снаружи послышался какой-то шорох. Обрадованный Асан вскочил, больно ударившись головой о низкий потолок.

– Эй, я здесь! – закричал он что есть силы и замолотил руками и ногами по камню.

Вдруг с потолка пещеры откололся огромный кусок и, разбив фонарь, придавил Асану ногу. От резкой боли он закричал и тут же попытался скинуть с себя этот камень. С огромным трудом ему удалось высвободить ногу, но большого облегчения это не принесло. При попытке встать парень тут же оседал – острая боль пронзала его почти до потери сознания. При этом он почувствовал, что штанина полностью мокрая. Это была кровь. Асану стало очень страшно. Он понял, что может погибнуть прямо здесь, в этой темной и сырой пещере. Парень попытался остановить кровь, разорвал на себе рубашку и, как мог, перевязал ногу. Потрогав перебитое место, он немного успокоился: штанина больше не намокала, лишь только навалилась непонятная слабость, двигаться было трудно. Откинувшись назад, Асан посидел еще какое-то время, собираясь с мыслями и надеясь, что помощь вот-вот подойдет. Но ее все не было. Кроме того, воздух в тесной маленькой пещере становился все более спертым. Уже было

очень душно. Асан понял, что без притока свежего воздуха он так долго не протянет. Из последних сил поднялся, нащупал в темноте сломанную лопату и начал долбить камень в надежде пробить хоть маленькую дырочку наружу. Внезапно перед глазами у него поплыли цветные круги, ноги подкосились, и он почувствовал, что его засасывает огромная воронка. «Где-то это со мной уже было», – успел подумать Асан и потерял сознание...

...Он парил в невесомости посреди огромной прозрачной радужной сферы. Он не чувствовал ни боли, ни страха... Не двигался, не дышал... Из всех чувств осталось только зрение и способность мыслить. Его сфера куда-то летела – Асан понял это по быстро проносящимся мимо светящимся объектам. Вдруг где-то вдалеке он услышал женский голос, голос звал. Прислушавшись, парень понял, что этот голос его матери. Чем громче и ближе он звучал, тем медленнее двигалась сфера. Светящиеся объекты уже не пролетали, а лениво проплывали мимо. Они приобрели форму. Это были объемные фигуры, постоянно меняющиеся, как капли воды на окне. Они то сливались вместе, то снова разрывались. Внутри них Асан разглядел фигуры, которые по мере замедления приобретали знакомые очертания. Вот соседский мальчишка из детства, которого он не видел уже много лет. Вот продавщица из магазина, в котором он почти каждый день покупал продукты. Вот мелькнула тень удава из зоопарка, заглатывающего кролика. Этот момент в свое время произвел на

него огромное впечатление. Вот Айка в своем лучшем выходном платье. Она кому-то машет рукой и улыбается.

Асан понял, что это мимо него проплывают все его воспоминания. Тем временем, голос матери зазвучал совсем рядом, и он увидел его источник. Огромная светящаяся капля, а в ней... В ней была вовсе не мама. Там был некто или нечто с постоянно меняющейся внешностью. В один момент это была женщина необыкновенной красоты, в другой мужчина в военной форме, в третий – очень древняя и худая старуха с беззубым ртом. Неизменным был только голос, он звал... звал... Со стороны добавился еще один голос, мужской, и он показался Асану очень знакомым.

– Не время, остановись! – приказывал голос.

Сфера остановилась и зависла посреди огромной черной пустоты. Прямо перед ней, из ничего, появилась та самая светящаяся капля. Оттуда доносились звуки, похожие на всхлипы. Внезапно сфера раздулась, увеличилась в размерах, и рядом с Асаном возник призрачный силуэт мужчины. Постепенно он обрел четкость, и удивленный молодой человек узнал того самого цыгана, который во второй раз вернул ему часы, после неудачной «игры». Звали его, кажется, дядя Миша...

– Ну вот, успел я вовремя, – спокойным голосом проговорил дядя Миша. – И что бы вы все без меня делали? Что ты, что прошлый твой... Если бы не я, получился бы из тебя хороший корм для червячков, а не...

Он вдруг осекся и достал из-за пояса кнут, высунул руку из сферы и стегнул им по прозрачной капле.

– Ну давай, давай, пшла! Не твой день сегодня! – прикрикнул цыган как будто на корову. «Корова» нехотя начала удаляться, женский голос смолк, и вскоре она скрылась из виду...

– Ну вот пока и все, – сказал дядя Миша. – Теперь давай с тобой разберемся. Конечно же, из того, что я тебе тогда говорил, ты ничего не понял. Я здесь, чтобы сказать, что ты уже готов. Для чего – позже сам догадаешься... после того, как исполнится то, что я тебе обещал. Не теряйся и сразу найди меня. Там все и расскажу, а пока бывай. А чтобы тебе попроще было, вот тебе немного «время-назад» в подарок. Смотри мне! – Он погрозил огромным толстым пальцем и с громким хлопком исчез.

Тут же сфера приняла свой первоначальный размер, затем раскрутилась вихрем, и Асана пробкой выкинуло куда-то наверх...

В это время его коллеги дружно откапывали основательно заваленную сошедшим потоком пещеру. Уже темнело, и они торопились. Водитель подогнал тяжелый «Урал» и тросом оттаскивал большие глыбы. Наконец, вход был открыт настолько, что можно было проникнуть внутрь. Мужчины вытащили Асана: он был без сознания, бледный от потери крови, дыхание почти не прослушивалось. Погрузив в машину, водитель повез его в ближайшую больницу. Дорога занимала

около часа, и шофер давил на газ, посматривая на пострадавшего и боясь, что может не довезти. Наконец он въехал в село, где располагалась больница, и, подъехав к больничному корпусу со стороны приемного покоя, облегченно вздохнул. Он сделал все, что мог, и теперь жизнь Асана была целиком в руках врачей. Два санитаря быстро и аккуратно переложили пациента на каталку и увезли. Через некоторое время водителя окликнул пожилой врач.

– Вашего парня сейчас привезли?

– Да, – ответил водитель.

– Как его зовут?

– Э-э... Кажется, Асан. Я с ним совсем мало знаком.

– А как так получилось?

– Я просто водитель. Привез целую экспедицию археологов.

– Ясно. В общем, так. Состояние очень тяжелое. Налицо большая потеря крови, а также есть признаки асфиксии...

– Чего-чего признаки?

– Удушья. Парень какое-то время находился без воздуха или почти без него...

– Его завалило камнями в пещере, он там пробыл больше восьми часов.

Врач удивленно поднял брови.

– Я тогда не могу понять, как он выжил... Мы сделаем все возможное, но сейчас я вам никаких гарантий дать не могу. Единственное, что могу, – немного успокоить. Перелома нет.

Перебиты мягкие ткани, имеется сильный ушиб. Ну все, мне нужно идти. Извините. – Он развернулся и быстро удалился.

Водитель еще немного постоял, затем сел в машину и поехал в лагерь. Хотя уже стояла глубокая ночь, никто не спал. Все сидели вокруг горевшего костра и ждали новостей. Вид у собравшихся был очень встревоженный. Больше остальных, конечно же, переживал профессор, винивший себя за то, что произошло. Выглядел он очень устало, под глазами были мешки. Он сидел, сложив руки, и молча смотрел перед собой.

Когда водитель все рассказал, профессор только тяжело вздохнул, а остальные, прослушав новость, разошлись спать. На утро профессор всех собрал и сказал:

– Итак, вчера у нас произошел несчастный случай. Мы чуть не потеряли одного из наших лучших студентов. Вся ответственность лежит на мне. – Он нервно сглотнул. – Поэтому я хочу объявить прекращение поисков и закрытие экспедиции. Сейчас мы собираем весь лагерь, грузимся в машину и уезжаем в центр. Оттуда ближайшим автобусом – домой. Я останусь в больнице до тех пор, пока Асану не полегчает и врачи разрешат забрать его в столицу. Всем все понятно?

Студенты угрюмо закивали и начали собираться. Ближе к вечеру все было готово – они перекусили холодными консервами и выехали. По дороге участники несостоявшейся экспедиции молчали, понимая серьезность ситуации. Возле больницы профессор вышел, попрощался с ребятами, остано-

ял на дороге, проводив взглядом вскоре исчезнувший за поворотом грузовик, и зашел в больницу. Подойдя к сидящей за столиком дежурной медсестре, он спросил про состояние Асана.

– А, вы к археологу? – прощепетала совсем молоденькая медсестра.

Профессор утвердительно кивнул.

– А кем вы ему приходитесь?

– Я – руководитель экспедиции.

– Ой, вы тут пока присядьте. – Девушка показала на лавку возле стены. – А я сейчас врача позову.

Через несколько минут она вернулась с доктором. Немолодым, с проседью, но высоким и подтянутым с виду.

– Здравствуйте, – протянул руку врач.

– Здравствуйте, – ответил профессор.

– Вы по поводу этого парня? Как его...

– Асана, – подсказал профессор.

– Ах да, Асана. На данный момент никаких долгосрочных прогнозов я делать не могу. Большая потеря крови плюс асфиксия. Пациент в коме, но мы делаем все возможное. Остается надеяться, что молодой организм поможет ему выкарабкаться. Будем ждать...

– Хорошо, – вздохнул профессор, – будем ждать...

Он сел на скамейку и стал ждать. Мимо сновали медсестры и врачи, ходили больные. Больница жила своей собственной жизнью, в сражении за здоровье людей

Незаметно пролетел день. За все это время профессор несколько раз вставал, прохаживался, разминая затекшие конечности, и снова возвращался на то же место. Вечером к нему опять подошел врач.

– Ой, а вы еще здесь? Пока обрадовать не могу – ваш Асан еще не пришел в сознание. Кстати, у вас есть где переночевать?

– Нет...

– Ну как же вы так? Давайте сделаем следующим образом – сейчас мы пойдем ко мне, я тут совсем рядом живу. Я вас накормлю, и вы нормально отдохнете, а с утра мы вместе вернемся сюда. Все равно сейчас вы своему Асану ничем помочь не можете. Ну как?

Профессор немного подумал и нехотя согласился.

– Вот и отлично – сказал доктор, – дайте мне пару минут, я переоденусь и сразу же пойдем.

Вскоре он появился уже без больничного халата. На нем был старенький коричневый костюм, синяя рубашка и туфли.

– Пойдемте, – сказал врач.

Они вышли из здания. На улице стоял теплый летний вечер. С гор дул легкий ветерок, вдалеке внизу виднелась темно-синяя гладь озера. Оказалось, что доктор действительно живет совсем рядом. Сразу за больницей начиналась маленькая улочка, уходящая вверх, в горы. Дом стоял почти в ее начале. Обычный глинобитный домик, стены аккуратно ошту-

катурены и побелены. На окнах резные синие ставни. Перед домом раскинулся небольшой садик – несколько яблонь, абрикосов и вишен. Калитка была не заперта. Подойдя к дому, доктор вытащил из-под порога ключ и отпер дверь.

– Заходите, – сказал он, – не обращайтесь внимания на беспорядок: я живу один.

Профессор разулся и вошел. Дом был небольшой – две комнаты и кухня. На полу был аккуратно постелен коврик, на стенах висело несколько фотографий, сами стены были тщательно выбелены. В общем, обещанного беспорядка не наблюдалось. Они прошли в маленькую кухню. В углу урчал холодильник, на окнах висели украшенные причудливым орнаментом занавески, возле подоконника стоял деревянный обеденный стол. Усадив за него профессора, доктор достал из холодильника и поставил разогреваться на электрическую плитку сковородку с макаронами. Затем, открыв настенный шкафчик, вынул оттуда лепешку, банку с соленьями, наполненный графинчик и пару стаканов. Снял с плиты сковородку, поставил на стол и достал пару ложек.

Профессор неодобрительно покосился на графинчик.

– Разбавленный медицинский спирт, – сказал доктор.

– Но я... – хотел было возразить профессор.

– Ничего страшного, немного не помешает. В вашем нынешнем состоянии я бы даже настоятельно рекомендовал выпить. Говорю вам это как врач.

– Ну хорошо, – согласился профессор.

Доктор разлил понемногу, и они, не чокаясь, выпили. После этого сразу же приступили к трапезе. Макароны с мясом оказались очень вкусными. Кроме этого, доктор выложил на тарелку хрустящие соленые огурцы, которые пришлись очень кстати. Они налили и выпили еще по одной. Профессор почувствовал, что спиртное разлилось приятным теплом по всему телу, усталость и тревога отступили. Довольно откинувшись на стуле, он смотрел в окно на темнеющее небо. Доктор, желая завязать разговор, рассказал о себе. Оказывается, что он больше года назад похоронил жену, с которой вместе прожил и проработал в больнице очень много лет. Она тоже была врачом. У него две дочери, обе замужем. Одна уехала с мужем в столицу, другая живет неподалеку. Она часто приходит и помогает отцу по хозяйству. Живности доктор никакой не держал – временина это не хватало.

– Почти круглосуточно на работе, а если что-то надо – или дочка приносит, или соседи помогают, – сказал он.

Стемнело. На улице стрекотали кузнечики, был слышен лай соседских собак. Из открытого окна тянуло вечерней свежестью. У профессора на душе полегчало, и он тоже рассказал доктору несколько историй из своей жизни. Давно опустела сковородка и ополовинился графин со спиртом. Наконец, вдоволь выговорившись друг другу, они отправились спать. Утром профессора разбудил шум на кухне и соблазнительный запах яичницы. Доктор, по многолетней привычке, вставал рано. Профессор поднялся, потянулся и на-

чал одеваться. Чувствовал он себя превосходно – отлично выспался, голова, несмотря на выпитое вчера, не болела и была ясная.

– О, гость дорогой, проснулся уже? Вот тут дочка с утра молока принесла. Такого у вас в городе не попьешь. – Врач пригласил профессора к столу.

Они не спеша позавтракали и пошли в больницу. Там доктор сказал профессору подождать и ушел делать утренний обход. Профессор сел на вчерашнюю лавочку и стал ждать. Не прошло и получаса, как появился врач. Вид у него был очень довольный.

– Очнулся ваш Асан, все в порядке с ним будет, – сообщил он. – Я думаю, уже завтра переведем его из реанимации в обычную палату.

– А можно с ним поговорить? – спросил профессор.

– К сожалению, сейчас это невозможно. Пустить вас в отделение реанимации я не могу, таков порядок. Но заверяю, тяжелый период уже позади. Рекомендую вам не терять времени, первым же рейсом ехать в столицу и договориться с больницей там. У них и оборудование получше, да и Асан ваш ближе к дому будет – быстрее реабилитация пройдет. Как раз дня через три-четыре мы отправляем туда машину. На ней поедет кто-нибудь из фельдшеров, вот пациента и доставит под присмотром и в лучшем виде.

Профессор облегченно вздохнул, поднялся и пошел к выходу. Доктор вышел его проводить.

– Ну бывайте, уважаемый. Будете в наших краях, обязательно заезжайте. Для вас всегда найдется и свободная кровать, и лишняя рюмочка, – подмигнул он.

Мужчины пожали друг другу руки и разошлись. Профессор дошел до автостанции, купил билет на ближайший автобус и уже вечером был в столице.

Город встретил его привычным шумом и летний духотой. Не успел он зайти домой, как зазвонил телефон. Профессор снял трубку.

– Алло, алло! – раздалось на том конце. – Это вы, профессор?

– Да, это я. С кем я разговариваю?

– Это Айганыш, девушка Асана, помните меня?

– Конечно, помню.

– Профессор, я ребят из экспедиции встретила. Они мне рассказали, что случилось. Скажите, что с Асаном, он жив? – голос в трубке срывался.

– Не переживайте, с ним все будет в порядке. Он уже пришел в себя и через несколько дней приедет сюда.

– Ой, вы меня успокоили...

– Правда, ему придется еще немного побыть в больнице, но вы не волнуйтесь, я все устрою. Завтра же договорюсь с лучшими врачами, и очень скоро вы получите своего Асана, как новенького. Кстати, вы можете оставить мне номер телефона, и как только я все решу, сразу дам вам знать.

Айка продиктовала номер.

– Хорошо, Айганыш, ждите. И да... – повисла неловкая пауза, – ...я очень сожалею, что так получилось.

– На все воля Всевышнего, – ответила Айка. – Спасибо вам, профессор. Я буду ждать звонка.

В трубке раздались короткие гудки.

Наутро профессор позвонил в центральную больницу, где работал его старый приятель, и объяснил ему сложившуюся ситуацию.

– Да, коллега, задали вы мне задачу, – крикнула трубка, – но я думаю, нерешаемых проблем нет. Предоставим мы койко-место вашему горе-археологу. Постараемся отремонтировать. Я позвоню в район, где он сейчас лежит, и узнаю, когда его привезут. К этому времени мы все подготовим.

– Спасибо, дружище! – обрадовался профессор.

– Спасибо не булькает, – пробурчала трубка.

– Сопьюсь я с вами, – вздохнул профессор. – Ладно, жди на днях. Ну все, не отвлекаю, бывай, – сказал он и отключился.

Глава 8

Реальность наваливалась. Медленно. Сперва пришли звуки. Это было пение птиц и шелест ткани. Голова гудела и разламывалась на части. Каждый удар сердца отдавался в ней гулким эхом. Во рту пересохло и ужасно хотелось пить. Асан с трудом открыл глаза. Окружающее виделось смутными очертаниями. Все вокруг было очень белым. Постепенно он увидел контур окна, а на нем колышущиеся занавески. Парень никак не мог понять, где он. Последним воспоминанием был разговор со старым цыганом. С трудом повернув голову, Асан увидел штатив с висевшей на нем капельницей. Шланг от капельницы тянулся к его руке. Он понял, что находится в больнице. Вдруг юноша услышал стон. Переведя взгляд в ту сторону, откуда шел звук, молодой человек увидел кровать, а на ней лежащего человека. Тот был весь утыкан проводами, тянущимися к плачущему прибору в изголовье, на лице была маска с подведенным шлангом. «Неужели и я так выгляжу?» – подумал Асан.

Открылась дверь и вошла женщина в белом халате.

– О, очнулся! – обрадовалась она. – Скоро придет доктор, и я сразу же ему скажу.

– Что со мной? – очень слабым голосом спросил Асан.

– Не разговаривай. – Медсестра поправила ему подушку. – А лучше еще немного поспи. Вот придет доктор и все тебе расскажет.

Асан закрыл глаза. Он чувствовал слабость, и даже это короткое пробуждение утомило его. Он снова куда-то провалился...

Следующий выход в реальность был полегче. Парень услышал какое-то бормотание и открыл глаза. Рядом с кроватью, что-то бубня себе под нос, стоял доктор. Асан попытался улыбнуться.

– С возвращением, молодой человек! – сказал доктор.

Асан хотел ответить, но из ослабшего и пересохшего горла вырвались только булькающие звуки.

– Не разговаривайте, вам пока нельзя! – строго сказал врач. – Подождите немного, я сейчас вернусь.

Он вышел, а Асан, уставившись в потолок, попытался восстановить в памяти последние события, но ничего не получалось. Вернулся доктор, принес с собой затертый стул со спинкой. Поставив его возле кровати, он сел и начал сосредоточенно осматривать пациента. Давил на разные точки на теле, стучал резиновым молоточком, светил в глаза фонариком, все время удовлетворенно кивая и что-то бормоча. Закончив осмотр, доктор сказал:

– Я думаю, молодой человек, что у вас все будет в порядке. Показатели почти в норме. Будем считать, что вы родились в рубашке.

– А как я сюда попал? – шепотом спросил Асан.

Доктор коротко изложил то, что ему было известно, и добавил:

– За всю свою практику я первый раз вижу подобный случай. При таких обстоятельствах то состояние, в котором вы находитесь, я считаю чудом. Проведя столько времени почти без воздуха... Кстати, у вас на руке были часы, и они даже не разбились. Идут исправно, вот только почему-то отстают почти на пять часов... Я положил их у себя и отдам, когда вам станет лучше. Вскоре я планирую перевести вас в обычную палату, а потом, еще через несколько дней, если все будет в порядке, вы поедете в город. Там придется еще немного полежать, чтобы быть уверенным в полном выздоровлении, а после – будете как новенький. Я вижу, что утомил вас, поэтому отдыхайте, набирайтесь сил. Если что-то понадобится, вот здесь есть кнопочка. Нажмете ее, и придет медсестра. Я знаю, что вы хотите пить, но пока настоятельно рекомендую воздержаться. Еще немного. Выздоровливайте! – Доктор легонько похлопал Асана по плечу и вышел.

Молодой человек повернулся и увидел, что кровать, где в прошлый раз лежал человек, была пуста. Попробовал приподняться, но сразу закружилась голова. Он откинулся на подушку и задремал.

В следующий раз открыв глаза, Асан понял, что жажда стала невыносимой. Нажал на кнопку, и где-то в коридоре прозвенел звонок. Почти сразу же вошла медсестра, в руках

у нее был стакан воды.

Асан взял его и чуть не уронил – стакан оказался нереально тяжелым. Медсестра поддержала ему руку и помогла попить.

– Ну, вот и молодец, – сказала она, после чего вытащила у него из руки иглу капельницы, сделала какой-то укол и ушла.

Через несколько минут лекарство подействовало, и Асан опять уснул.

Медсестра заходила еще пару раз, захватив с собой воды. Под вечер она принесла тарелку с кашей и покормила молодого человека с ложечки. После этого он почувствовал себя гораздо лучше.

На следующий день пришел доктор, осмотрел Асана и, довольно хмыкнув, позвал санитару.

– Помогите молодому человеку переехать в общую палату, – попросил он.

Санитар привез специальную каталку и, хотя Асан всячески упирался, помог ему сесть в нее.

Общая палата тоже оказалась пустой. Там стояли четыре кровати, заправленные белыми больничными простынями. Пахло стиральным порошком и хлоркой.

Асан занял место поближе к окну, санитар принес его сумку с вещами и ушел. Из окна виднелся большой двор с утоптанными дорожками, засаженный высокими елями. Дальше был невысокий забор, за которым проходила дорога. Изредка проезжали машины. Асан, устроившись поудобнее, стал

наблюдать за происходящим на улице. Других занятий здесь не было. Он с каждым часом чувствовал себя лучше – молодой организм быстро побеждал последствия травмы. Два раза в день к парню заходил доктор и осматривал. Они перебрасывались несколькими фразами, потом врач давал ему таблетки и уходил. Еще одним из развлечений было посещение столовой. Опираясь на костыль, Асан терпеливо прыгал туда, поскольку выздоравливающий организм требовал много еды. Так прошло еще три дня. На четвертый, во время утреннего обхода, доктор сообщил, что сегодня Асана выпишут и он поедет домой проходить еще один курс лечения. Вскоре после обхода ему сказали, что пора собираться.

Асан переоделся, надел часы, принесенные доктором, посмотрел на них и задумался: они действительно отставали почти на пять часов. Тут парень вспомнил, что цыган из видения говорил про какие-то или какое-то «время-назад», и начал догадываться, что это как-то связано с его спасением.

Собравшись, сильно прихрамывая молодой человек вышел из больницы, попутно попрощавшись с сидевшей на посту медсестрой. На улице его ждал медицинский «Уазик». Он ехал в столицу за медикаментами. Асан забрался на пассажирское сидение рядом с водителем, и они тронулись. Шофер оказался очень общительным человеком, и дорога пролетела незаметно. В столице он высадил Асана возле больницы, где ему предстояло провести еще несколько дней. Возле корпуса его встречал профессор, а рядом с ним стояла мама.

Она сразу бросилась к сыну, обняла его и заплакала:

– Асанчик мой, какой же ты худой и бледный! Мы все так переживали за тебя!

Профессор с несколько смущенным видом пожал парню руку со словами:

– Я договорился здесь, в больнице, чтобы тебя максимально быстро поставили на ноги. Ты будешь под присмотром лучших врачей. Я хочу извиниться, что не досмотрел за вами там, в горах. Надеюсь, это не повлияет на твой дальнейший выбор профессии. Ты очень перспективный студент.

– Спасибо, профессор, за ваше беспокойство. Я не виню вас. Это был несчастный случай, и я думаю, на мой выбор он никак не повлияет.

Они вошли в приемное отделение, Асан назвал себя дежурной медсестре и та, сверившись с журналом, провела их в палату. Она оказалась совсем не похожа на больничную, а скорее напоминала гостиничный номер. Там стояло всего две кровати. Они были заправлены, причем не больничным белым бельем, а домашним, цветным, с веселыми рисунками. На стене висел телевизор, а в прикроватной тумбочке нашлась вся необходимая посуда. Кроме этого, Асану принесли целую сумку продуктов. Там были абрикосы, клубника, много мясных деликатесов, бутылка с айраном – кисломолочным напитком, почитаемым всеми жителями этого региона. Разместив Асана в палате, мама и профессор собрались уходить. Он вышел вместе с ними на улицу.

– Выздоровливай, сынок, – сказала мама.

– Если что-то будет нужно, только позвони. Вот мой номер. – Профессор протянул парню бумажку с телефонным номером. – Ну все, пойдем мы.

Он пожал Асану руку, а мать поцеловала его, и они ушли. Асан вернулся в палату. Почти сразу же пришел доктор – немолодой, лысоватый, в круглых очках в тонкой оправе. При разговоре он картавил.

– Здгавствуйте, молодой человек, а мы вас уже заждались. Я звонил в гайон и газговагивал с вгачом по поводу вашего состояния. Мне сказали, что оно удовлетворительное. Но, насколько я вижу, вы более-менее в погядке, поэтому я скоггектигую ваш кугс лечения, чтобы вы быстрее смогли вегнуться домой. Повегьте мне, чегез недельку вы будете как новенький. Даю гагантию! Ну давайте, снимите губашку, чтобы я вас посмотгел...

После тщательного осмотра, прослушивания и простукивания доктор одобрительно покивал и вынес вердикт:

– У вас точно все будет хогошо. Вам феноменально повезло. Такого года тгавмы обычно оставляют более тяжелые последствия. Ну, не буду вас более утомлять, отдохайте.

Он ушел, и Асан, измотанный дорогой и к тому же окончательно еще неокрепший, расправил кровать, лег и сразу уснул. Утром его разбудила медсестра. Она принесла расписание восстановительных процедур, который он должен был пройти. Асан позавтракал, прошел необходимые проце-

дуры, вернулся в палату, включил телевизор и сел на кровать. Изображение на экране периодически прыгало – телевизор был не совсем исправен, и поэтому, посмотрев немного, Асан отошел к окну и, опираясь о подоконник, задумался. Все произошедшее с ним за последнее время казалось какой-то сумасшедшей театральной постановкой. История чудесного спасения тоже не совсем укладывалась в воспитанный в духе материализма мозг. Он не понимал, как это произошло и как в дальнейшем себя вести. Правдивый рассказ в духе «все так и было» запросто мог привести вполне здорового молодого человека в неврологический диспансер. А это... Проблемы в институте, возможное отчисление, сломанная карьера и жизнь в целом... Нет, лучше будет об этом помалкивать, сославшись на частичную потерю памяти. Пожалуют и забудут. Тем более, профессор, чувствуя вину, наверняка во всем будет помогать...

Потянув носом воздух, Асан отчетливо почувствовал знакомый запах. Резко повернулся и ойкнул – то ли от неожиданности, то ли от боли, пронзившей раненую ногу от неосторожного движения. На кровати сидела Айганыш и смотрела на него широко раскрытыми от тревоги глазами. Она неслышно вошла, надеясь на сюрприз, но ее подвел запах любимых духов, который и почувствовал Асан...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.